

А. К. Кужугет

**ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТИКЕТ ТУВИНЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**
**(по трудам путешественников
и ученых конца XIX - XX века)**

Кызыл
2019

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тувинский государственный университет»

А. К. Кужугет

**ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТИКЕТ ТУВИНЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**
(по трудам путешественников и ученых конца XIX - XX века)

Учебное пособие

**Кызыл
2019**

УДК 395 (075.8)
ББК 87.7я7
К88

Печатается по решению Учебно-методического совета Тувинского государственного университета и Ученого совета Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

Автор

Кужугет Айлана Калиновна, доктор культурологии, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета

Кужугет А.К.

Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX - XX века): учебное пособие – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2019. – 70 с.

Учебное пособие предназначено для студентов очной и заочной формы обучения исторического факультета, а также для всех, кто интересуется историей культуры Тувы.

Рецензенты:

С.М. Орус-оол, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ТИГПИ

Е.К. Даваа, кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой философии ТувГУ

© Кужугет А.К., 2019
© Тувинский государственный университет, 2019

Содержание

Пояснительная записка	4
Введение	5
Лекция 1. Этические основы тувинского этикета.....	8
Лекция 2. Традиционные жесты и формы общения в юрте..	12
Лекция 3. Этикет семейных отношений	23
Лекция 4. Нормы поведения при проведении коллективных молений духам, хозяевам местности	35
Лекция 5. Трансформация тувинского этикета в XX веке....	52
Лекция 6. Опыт тюрко-монгольских народов по сохранению норм традиционного этикета	56
Заключение	60
Задания по самостоятельной работе.....	66
Список литературы.....	68

Пояснительная записка

Учебное пособие «Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры» предназначено для студентов исторического факультета очной и заочной формы обучения. Изучение традиционных норм поведения поможет студентам более глубоко понять суть духовной культуры народа.

Учебное пособие имеет своей целью усвоение учащимися базовых теоретических знаний, современных методов науки этики, изучение традиционных правил этикета, ряда практических навыков, раскрывает основные теоретические представления об этикете как научной дисциплине, показывает общие черты с другими народами Сибири и особенности тувинского этикета.

Введение

Человеческое общение, по определению М.С. Кагана, межсубъектное взаимодействие – истинный продукт «механизма культуры». «Общение является все же родом человеческой деятельности, но не предметной, ибо само оно не создает какой-либо реальной предметности, поскольку цель его заключается в достижении общности между общающимися людьми (индивидами или группами)»¹.

Известный ученый А.К. Байбурин писал: «всякое общество, заботясь о своей целостности, вырабатывает систему социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его членам. Набор типовых программ поведения специфичен для каждого коллектива. Все они направлены на то, чтобы сдержать рост вариативности поведения, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминусомо привел бы к распаду общества»².

Традиционный этикет, как форма культуры, обеспечивал нормативные способы регуляции жизнедеятельности людей в обществе и в общении их с природой. И в этой области именно Природа являлась определяющим фактором становления и функционирования ценностей, норм и идеалов человека. Особенность тувинского традиционного этикета заключалась в том, что он никогда не был оторван от природы, но не в ее целостностном понимании, а опосредованно, через институт духов и демонов. Их боялись, уважали и делали все, чтобы не навлечь на себя их гнев, четко соблюдались табу. Каждый жест, вербальная формула соотносилась с возможной оценкой их со стороны духов.

Любая модель мира, а традиционная в особенности, является «программой» поведения для всего коллектива и отдельной личности, так как она определяет набор операций, служащих для воздействия на них, правила их использования и их мотивировку, причем, нередко сам смысл утвержденных действий со временем забывается, остается только внешняя форма их проявления, но исполняются они неукоснительно и в раз и навсегда заведенном порядке. Наши информанты на многие вопросы по традиционному этикету отвечали одной фразой: «так было всегда» и не считали нужным объяснять почему так и никак иначе, поскольку это

восточные люди и для них традиция являлась незыблемым правилом.

Этикет представлял различные ритуальные формы поведения в своем жилище между членами одной семьи, в гостях, в общественных местах, при представителе религиозного культа, на праздниках и т. д.

Особое значение имеют в этикете традиционные движения и жесты, они несут важную ценностную смысловую нагрузку и сами представляют ценность как кодовый знак традиционной культуры.

Этикет тувинцев формировался в кочевом обществе в условиях жизни в традиционном жилище – юрте и традиционной деятельности – скотоводстве. В период седентеризации, перехода тувинцев на оседлый образ жизни с конца 50-х годов XX века и после него, кардинальные изменения претерпел и этикет тувинцев. Изменилось практически все, особенно для городских жителей, однако базовые нормы этикета всё же сохранялись. Однако в настоящее время, в период глобализации и эти нормы забываются и не достаточно полно транслируются молодому поколению в контексте этических норм.

Актуальность данного учебного пособия, на наш взгляд, очевидна. С каждым поколением на протяжении прошлого столетия утрачивались этические знания тувинского народа о нравственности, о понятии добра и зла, передававшиеся не в форме нравучений, а в будничном каждодневном поведении людей.

Для современного периода характерен интерес к прошлому: издаются ранее неопубликованные рукописи, проявляется обращение общества к недавней истории, личностям. Так в прошлом люди ищут ответы на вопросы настоящего времени, в частности, и вопросы этического характера.

В дальнейшем необходимо изучить и опыт сохранения традиционных форм этикета и этических знаний у народов, близких тувинцам по образу жизни в недавнем прошлом народов тюркско-монгольского мира, с целью восстановления утраченных традиций в тувинской культуре. Взаимоотношения с природой, обеспечивавшие гармоничное развитие традиционного общества регулировались обрядами. «Религиозные культы кочевников Саяно-Алтая и Центральной Азии были также постоянно действующим

фактором организации взаимодействия общества с внешней природной средой, выступали в качестве основы этноконфессиональной экологической культуры. Проблематика этноконфессиональной экологической культуры тюрко-монгольских народов актуализируется не только в связи с нарастанием угрозы глобальной экологической катастрофы и ее локальных вариаций в различных регионах планеты. Эти исследования имеют прямой выход на разработки технологий и концепций устойчивого развития регионов Саяна-Алтая и Центральной Азии³.

Лекция 1. Этические основы этикета

1. Этические нормы как важная составляющая мировоззрения народа.
2. Взаимосвязь этики и этикета.
3. Взаимоотношения людей с духами-хозяева местности.

Правила этикета являются воплощением этической культуры общественной жизни каждого народа. Появление этических норм было обусловлено необходимыми факторами развития человечества. Этика включает в себя целый ряд проблем философского плана, связанных с бытием человека, местом морали в общественных отношениях, изучает поведение человека относительно ценностных ориентиров и оценивает его поступки в главных категорийных понятиях добра и зла.

Этическая культура занимает особое место в духовной культуре. «Это не просто ее структурный элемент наряду с познанием, политической, правовой, художественно-эстетической, религиозной и нравственной культурой общества, а некий синтез гуманистического содержания всех ее элементов. При этом этическая культура всегда оказывается синтезом практически-духовного содержания этих составляющих духовной культуры в ее гуманистическом аспекте и теоретического осмысления оснований культуры в форме философско-этической рефлексии⁴. Альберт Швейцер в своем труде «Культура и этика» утверждал, что «этическое понятие культуры единственно правомочно»⁵, что культура и есть этика, что без этики нет культуры, а только набор образцов творчества.

Этическая культура — это духовные ценности, это обычаи и традиции, выражающие гуманистические идеалы народа и транслирующие их молодому поколению.

Прежде, чем говорить об этикете, надо остановиться на этической основе народного этикета. Это взаимосоставляющие понятия. Этика изучает аксиологические и философские вопросы о смысле жизни, а этикет — это практическое воплощение ее применительно к определенной ситуации. Правила этикета различны у разных народов, но в любой культуре они предписывают четкую линию поведения. Эти нормы вырабатываются людьми на

протяжении многих веков. Этикет органически связан с моральными нормами и ценностями общества. Это почтительное отношение к Природе, старшим, родителям, женщинам, детям; понятия чести и достоинства, скромность, милосердие, доброжелательность. Рассматривать правила этикета в отрыве от этических норм невозможно. На формирование этикета воздействовали обычаи и традиции народа, его этические установки. Этикет любого народа имеет свою специфику, свой национальный колорит, является национальным достоянием. При этом вести себя должны люди в соответствии со своим возрастом и социальным статусом в обществе.

Этикет является духовно-культурной ценностью любого народа, его важнейшей традицией, передающейся из поколения в поколение. Строгое соблюдение правил этикета приобщало человека в своему этносу. С давних времен важной частью этикета стал обычай гостеприимства, он стал неперенным законом жизни, поскольку в условиях резко континентального климата нельзя не пустить путника в юрту, он мог в случае отказа просто не выжить. Таким образом, учитывались и специфические особенности территории проживания народа.

Традиционный этикет изменял свои правила, нормы, значимость, но всегда сохранял законы вежливости и внимания к другим людям и объектам природы, которые являются необходимыми условиями человеческого сосуществования. Их ценность проверена временами. И в современном обществе этикет не потерял своей значимости, стал необходимостью для каждого современного интеллигентного человека, стремящегося стать достойным членом общества. Важность и необходимость знания этикета для каждого современного человека стала результатом развития и совершенствования человеческих отношений в течение веков, а также осознание человечеством значимости каждой отдельной личности и необходимости для нее сосуществовать с себе подобными. Этикет определяет ситуативные нормы поведения людей. Несмотря на то, что в каждом веке он претерпевал изменения, его основополагающие принципы остаются неизменными.

Человек еще в глубокой древности понял, что в мире существуют законы природы и он не в силах его изменить, что надо жить в гармонии с ней. Однако природа осмысливалась не как

единая субстанция, ее легче было постичь через систему образов: духов-хозяев местности, они антропоморфны и имеют характер как у людей. К примеру, в преданиях передавался образ женщины: «По рассказам гегена, «ваша хозяйка Бай-Тайги – очень красивая нарядная женщина, оказывается. Я освящал многие тайги-высокогорья. Таковую тайгу с женщиной-хозяйкой ни разу не видел, с женщиной-хозяйкой местности»⁶. Люди рассказывали, что духом местности мог быть и мужчина, обычно старик на белом коне. Монгуш Кенин-Лопсан записал от Надежды Ангыр-оол рассказ: «Стоянка моих предков называется Кок-Чыраа... Это было в начале декабря. Я подошла к тому месту, где когда-то стоял домик моего дедушки. Был вечер. Никого не видать было. Ни одной домашней скотины, ни одной собаки. Вдруг перед моими глазами появился мужчина-всадник на синем коне. Я заметила, что передние и задние ноги коня до земли не доходят. Молодой человек на синем коне запел:

Так сияет пятнадцатый день Луны,

Давай поиграем вволю, сарыым.

Так одиноко воет волк на острове,

И ты слушай внимательно, сарыым.

И вдруг сверкнула какая-то искра, и мужчина-всадник мгновенно исчез»⁷.

И у водных источников также есть дух-хозяин, он показывается людям в виде большой рыбы, огромного быка в озерах или женщины как в следующем рассказе Б. Сарыглара: «Есть такие места, где живет дух-хозяин местности, так говорят. На правом берегу реки Хемчик есть холм Хылдыг-Узук, по-русски Отрезанный Волос.

У этой местности есть дух-всадница на гнедом коне. И я действительно видел эту женщину на гнедом коне. Я выехал на легковой машине из местности Суг-Аксы Сут-Хольского кожууна в сторону города Чадаана. Переправился через реку Хемчик на пароме, и оказался у местности Хылдыг-Узук. И вдруг прямо ко мне подъезжает женщина-всадница в нарядной одежде на гнедом коне и решительно предлагает мне: – Садись позади меня! Мне показалось, что конь этой всадницы висит в воздухе. Я очень испугался, не помню, как доехал до Чадаана. Позже я услышал от старых людей, что у реки Хемчик есть дух-хозяин – женщина-

всадница на гнедом коне. Она обычно появляется у устья реки Хемчик и доезжает до горы Бай-Тайга, так говорят»⁸. Таким образом, тувинцы персонифицировали объекты природы в виде антропоморфных духов-хозяев местности, которые являлись охранителями Природы. С духами-хозяевами местности по сообщению наших информантов, а также по материалам преданий, зафиксированных в различных текстах, в обыденной жизни могли общаться простые люди, однако при проведении обрядов обращались к ним исключительно старейшины рода или шаманы. Обычно духи, хозяева местности благоволили к людям, но нужно было соблюдать их требования: не брать больше, чем необходимо для жизни, не гадить, не мусорить в тайге или в степи. Тем более, не осквернять водные источники, так как дух воды более других могуществен и может очень сильно наказать, как и дух огня. Кочевать в течение года надо было четыре раза, чтобы сохранить, говоря современными терминами, экосистему, сохранить баланс антропогенных нагрузок на пастбище. Не подниматься лишний раз на родовую гору или территориальную, священную для нескольких родов с жертвенником *оваа*, не выбивать там зверя, не собирать там растения и ягоды. Таким образом, все у тувинцев, как и у других народов тюркско-монгольского вида имело своего хозяина, и все это живое и неживое в сознании человека было объединено в живой организм, в котором все сосуществовало в полной гармонии. Нельзя не согласиться с мнением Ю. Дробышева: «Если попытаться вычленив из разнообразных культов, предписаний и запретов рациональное зерно, то становится очевидным следующее: традиционная культура монгольских народов, будучи глубоко экологичной, выработала единственно возможный вариант существования в далеких от оптимума условиях окружающей среды, вписывая этносы в ландшафты без ущерба для последних, что оказалось возможным лишь при условии одухотворения природы. И поскольку человеку как существу творческому присуща определенная степень своеволия, для ее обуздания и удержания в безопасных для природы рамках саморегулирующиеся адаптационные механизмы монгольской культуры способствовали – наряду с иными причинами – появлению у людей веры в могущественных и строгих духов-хозяев, охраняющих покой каждой былинки. Во многом благодаря этому хрупкие ландшафт-

ты Центральной Азии сохранились до XX века, причем в некоторых местах в почти девственном виде»⁹.

Лекция 2. Традиционные нормы поведения тувинцев в юрте

1. Священные и табуизированные атрибуты жилища и правила обращения с ними
2. Гостеприимство
3. Порядок рассаживания людей в юрте

Наряду с природными символами своей родной земли: родовой горой, священным деревом, важнейшим маркером являлась коновязь. Это первый атрибут жилища, который видел путник. В прошлые времена, она у тюрков была также значительна, как домашний очаг в самом жилище. Так, «в героическом эпосе алтайцев «Маадай-Кара» прямо говорится, что коновязь соединяет три мира, в верхнем она служит Курбусту, а в нижнем – Айбыстану (эпитет Эрлика)... С сохранностью коновязи тюрки Южной Сибири связывали благополучие семьи и хозяйства. В старину у якутов, когда вместе с умершим хоронили его коня, около могилы вкапывали и коновязь. Использование коновязных столбов во время *ысыаха* и других обрядовых действий позволяет предположить, что установление коновязи – древняя форма «окультуривания» природного пространства: устанавливается уменьшенная копия мирового дерева. Показательно, что коновязь (в случае перекочевки) никогда не выкапывалась: она оставалась на месте и со временем разрушалась»¹⁰. Обычно у коновязи у тюркских народов хозяин встречал гостей, и затем провожал их, дожидаясь, когда они сядут на коней.

Коновязь – символ родного жилища, второй по значимости маркер, после домашнего очага. «Тувинцы никогда не рубят топором коновязь. Они никогда не разрушают загон для скота. Оседланная лошадь отдыхает около коновязи»¹¹.

С порогом юрты также связано много правил, но больше запретов. Считалось, что нельзя на него садиться, это могло принести несчастье хозяину дома¹². Алтайцы говорили, что севший на порог ребенок перестает расти, а у взрослого будет болеть живот¹³. Авторы книги «Традиционное мировоззрение тюрков Юж-

ной Сибири» считают, что это связано с тем, что под порогом обитал дух – покровитель юрты, поэтому не стоило его обижать, даже нечаянным прикосанием в порог. «Согласно тувинскому этикету, в юрту следовало входить с правого края порога, откидывая войлок левой рукой¹⁴. У хакасов человек, входя в дом, обмахивался сзади правой рукой, чтобы не впустить за собой в жилище злых духов. Нередко дверь приобретала характер непреодолимого препятствия. Тувинцы, например, стремясь отвести беду от дома, не пускали дальше порога людей с низким социокультурным статусом. Более того, их иногда вообще не пускали в юрту, а кормили за дверью. Так же поступали с никогда не рожавшей женщиной: ее пребывание в юрте, как считалось, могло отрицательно повлиять на благополучие обитателей жилища¹⁵.

Главным атрибутом юрты был очаг, центр жилища, как сакральный, так и геометрический. «Понятие очага в тюркских языках было чрезвычайно емким и связывалось с кругом таких категорий, как «жилище», «семья», «род», «племя» и т.д. По представлению тюрков Южной Сибири, очаг как сакральный и семантический центр жилища, определяющий его организацию, был местом обитания хозяина/хозяйки огня... Очаг был не только атрибутом божества – он и сам наделялся антропоморфными чертами. Его опора, обращенная к *төр*, как и вся эта сторона, носила название *от бажы* «голова огня», а две другие, обращенные к двери, и пространство перед ними – *айок от* «ноги огня». И сейчас еще во время свадьбы у алтай-кижи на *от бажы* привязывают белые ленточки (ялама), кладут жир, веточку можжевельника¹⁶.

Сакральным атрибутом юрты также была и детская колыбель, «...тувинцы очень бережно относились к колыбели ребенка, никогда грубо не клали ее на землю, считая, что такое обращение с колыбелью приведет к тому, что душа ребенка может покинуть тело. ...тувинцы никогда не ломали колыбель своего ребенка, считая ее священным предметом¹⁷.

Мы остановились на четырех важнейших элементах тувинского жилища, наиболее четко проявляющих этические нормы тувинца: отношение к коню, к духам, как духу-хозяину юрты, так и злым, находящимся рядом и к ребенку, главной ценности человека и смысла его жизни.

А.А. Турчанинов в 1915 году писал: «Каждый может рассчитывать на радушный прием в любой юрте, к которой ему вздумается повернуть. Там его напоят чаем, если он голоден, накормят, дадут возможность переночевать, покормить лошадь, укажут дорогу и одарят какой-нибудь безделушкой на дорогу: трубкой, если он свою потерял, ремешком, шкуркой, табаком и т. д. Этикет требует, чтобы приехавший, привязав лошадь у столба около юрты, оставил там же нагайку и, прежде чем войдет в юрту, вынул нож, заткнутый за кушаком так, чтобы он свободно висел на ремне у колена. Входящий должен откидывать войлок, которым завешено входное отверстие, левой рукой и входить с правого края.

Если юрта эта принадлежит лицу чиновному, то входящий говорит "амыр" и делает, не без изящества, своеобразный книксен и жест приветствия, протягивая обе руки вперед, как бы готовый подхватить руки хозяина, протянутые ему для ответного приветствия, затем усаживается с левой стороны от входа, достает трубку, закуривает и, сделав затяжки две, обтирает мундштук грязной полый халата и передает почтительно хозяину или хозяйке, в то же время справляясь о здоровье их скота. Обычно хозяин юрты, глядя по чину пришедшего, или отвечает ему так же, или просто говорит "менде" – здравствуй. Если гость почему-либо признается почетным, то ему кладут с левой стороны, ближе к божнице, особый коврик красного сукна или шкурку, обшитую сукном, куда и просят пересесть.

Как только гость вошел, тотчас же разгребают уголья в очаге, иногда добавляют свежих сучьев и ставят к огню высокий медный кувшин или чайник, или чашу (смотря, что у кого имеется) с чаем. Когда чай согревается, то выбирают чашку и, налив в нее дают приехавшему, переставляя ему в то же время и этот сосуд с горячим чаем, как бы безмолвно говоря... "пей сколько хочешь..." На вопрос о здоровье скота хозяин обязательно отвечает, что скот здоров, даже если бы у него в это время был сильнейший падеж скота. Так требует приличие. И только уже потом, когда разговор завяжется и пойдут обоюдные расспросы, может выясниться, что со скотом у хозяина совсем не так благополучно, как он говорил. Если гость очень почетный и ему хотят оказать особое внимание, то колют барана, или жарят "шыштер" (шашлык),

угощают аракой, которую гонят тут же, если нет в запасе, из кумыса, дают "пыштаг" – пресный сыр, жареное просо или тотчас готовят пельмени, лапшу или из муки на масле особое густое тесто. Самым деликатесом считается баранья печенка, жареная на углях или "шыштер" из жирного бараньего бока; иногда варят кровяной суп с ливером и другие лакомства. Все это угощение сопровождается большою приветливостью, оживленными разговорами и расспросами.

Когда гость отдохнет и уезжает, его провожают и иногда одаривают какой-нибудь безделушкой или едой на дорогу. Характерно, что при этом уезжающий никогда не благодарит своих радужных хозяев. Насколько удалось выяснить, даже самого слова "благодарю" среди урянхов не существует¹⁸.

При встречах в дороге урянхи останавливают лошадей, здороваются, причем равный равному говорит "менде"¹⁹, низший высшему "амыр", закуривают трубки и обмениваются ими, затем расспрашивают друг друга кто, откуда, куда и зачем едет, берут друг у друга свои трубки обратно и разъезжаются.

Перед тем, как войти в юрту, человек кашлял или произносил короткую фразу, тем самым, давая знать хозяевам о своем приходе. Подав, таким образом, сигнал, он входил в жилище; имевшееся у посетителя огнестрельное оружие полагалось разрядить и положить на войлок юрты снаружи. Плетку, непременный атрибут снаряжения мужчин, всегда оставляли на улице, около двери. Нож, который обычно носили мужчины за спиной на поясе, вынимали и на цепочке опускали вниз.

Современная форма приветствия (рукопожатие и слово «Эки») вошла в обиход после 1921 года. До этого времени при встрече обменивались благопожеланием. Только в дни Нового года по лунному календарю – Шагаа или при первой встрече после этого праздника, даже если прошло несколько месяцев, применялась особая форма приветствия — *чолукишууру*. Важным элементом его являлись жесты: младший по возрасту – гость он или хозяин, - вытягивал в знак приветствия руки первым, ладонями вверх, а старший опускал свои руки ладонями вниз, при этом руки и соприкасались на уровне локтей. Причем если здоровались люди одного возраста, происходило своего рода соревнование — кто быстрее протянет руки ладонями вверх, стараясь показать свое

уважение другому. «Здороваются урянхи обеими руками, причем обе руки протягиваются прямо вперед ладонью книзу, тот, кто считает себя младше или хочет оказать уважение, протягивает свои руки выше и доведя их почти до локтя быстро разводит и подхватывает руки другого немного ниже локтя, на перевернутую кверху ладонь²⁰. Эти жесты — *чолукишууру* — означали пожелания в Новом году благополучия роду, счастья, здоровья. До принятия тибетского буддизма тувинцы протягивали обе руки, приветствуя друг друга, позже — стали использовали *кадак*, держа его на вытянутых руках. Более молодой человек старался раньше пожилого положить эту ритуальную шелковую ткань, а затем свои руки подставить под руки более взрослого человека, в знак глубокого уважения. Однако подарить *кадак* могли далеко не все, он был очень дорогим. Бедные люди чаще преподносили *дадазын* — кусок кожи в виде тонкой ленты, вырезанный из предварительно обработанной, растянутой и высушенной кожи домашнего животного. *Кадак* и *дадазын* преподносили друг другу только взрослые, дети приветствовали людей без них²¹. При этом произносился определенный текст: раньше он был строго канонизирован и состоял из нескольких предложений. Сейчас он значительно сокращен. Например: «Амыр менди» и ответ «Менди чаагай» или «Сол менди» или просто «Амыр-ла». На русский язык это приветствие переводится как благопожелание — «Мира вам и благополучия» и ответ «Мира и вам».

Интересно, что на каждый вид работы, которой были заняты хозяева в момент прибытия гостя, имелись специальные формы обращения и благопожелания. М.Б. Кенин-Лопсан пишет: «если путник узнал, что около какой-то юрты группа людей обрабатывает шерсть, то он обязательно направит свою лошадь туда. Всадник, подходя к работающим, громко говорит: «Пусть важная работа увенчается успехом!» В ответ ему скажут: «Пусть будет доброй ваша дорога, и тоже увенчается успехом Ваша поездка! Путник присоединяется к тем, кто обрабатывает шерсть.

Если кто-то ремонтирует кошару на зимней стоянке весной или летом, то тот, кто увидит это, обязательно поможет хозяину стоянки в ремонте или очистке кошары. У наших предков была такая добрая традиция, согласно которой люди помогали друг другу добровольно и бескорыстно»²².

Подарки обычно подавали двумя руками, как принято у многих народов Востока. Они были не столько материальными ценностями, сколько выражением доброжелательного отношения друг к другу. На это указывает и традиция, описанная Л.П. Потаповым: «обычай «хап туптээр» заключался в том, что мешок, в котором родственники или одноальцы привозили или приносили друг другу любые продукты (гостинцы и т.д.), никогда не возвращали пустым. В него обязательно клали хотя бы маленький кусочек какого-нибудь продукта (сыра, лепешки, мяса и т.д.) Когда закалывали барана или корову и посылали соседу кусок вареного мяса на блюде, то тоже возвращали не пустым, а обязательно с продуктами²³.

После пригласительного жеста хозяина гость садился в передней части (тор) жилища на левой стороне. Глава дома — напротив входа, по правую сторону. Затем они обменивались трубками и с этого момента начинался долгий разговор. Обычай обмена трубками очень древний, исполнение его наряду с соблюдением правил не вносить плетель и огнестрельное оружие в юрту, расценивалось в обществе как добрые намерения людей по отношению друг к другу.

У тувинцев существовал четкий порядок размещения людей в жилище: для гостей, соответственно их общественному положению — на левой стороне, для хозяев — на правой. Как в любом традиционном обществе у тувинцев были выработаны каноны стандартизированного поведения в соответствии с социальным положением, возрастом, полом человека.

Бедняк, не имеющий скота, всегда имел место около двери (эжик аскы), там же держали молодняк в холода. Несколько выше (по ходу солнца), там, где хранились меховые вещи, одеяла, накрытые покрывалом, рассаживались гости, средние по достатку. Самые почетные и уважаемые люди: богачи, ламы, чиновники располагались там, где стояли аптара, почти напротив входа. Для них стелили небольшой круглый коврик — *олбук*, чтобы удобно было сидеть, иногда по два сразу. Если гость из числа наиболее почетных, входя в юрту, усаживался на место, где следовало сидеть средним по достатку и положению людям, это рассматривалось как неуважение к хозяину.

Таким образом, площадь юрты делилась на определенные части: самое почетное место — напротив входа, наименее почетное - около входа. В системе тувинского этикета, части пространства жилища неравноценны, это отражалось и на поведении людей.

Хозяйка сидела около кровати, где между ней и хозяином рассаживали маленьких детей. Их воспитывали с раннего детства в строгости, поэтому, когда приходили гости, они сидели (если на улице был холод) так тихо, что их никто не замечал, им нельзя было ходить в юрте, громко разговаривать. Слева от матери, по направлению к двери, сидели старшие дочери, сыновья сидели около отца.

Обычно человек, сажающийся на место для гостей, подгибал левую ногу и садился на нее, ступней правой ноги упираясь в землю, если же гостила в доме женщина и проходила на правую половину, то она, сажаясь, подгибала правую ногу.

Это объясняется тем, что юрта обычно устанавливалась так, чтобы порог юрты был несколько ниже противоположного двери места, поэтому человек, усаживающийся лицом к центру — очагу, боком к двери, садился на ногу, на более возвышенное место, другая нога служила опорой.

Женщина-гостья имела право пройти на место на правой стороне, однако обязательно пройдя по солнцу через левую, гостевую часть, мужчина же никогда не должен был входить на женскую половину.

Поза согедеп олулары²⁴ - одна нога подобрана как сиденье, другая упирается в землю — самая распространенная. В этой позе сидят и мужчины, и женщины, различие состоит в том, что мужчина, сажаясь, подбирает полу халата-тона и оборачивает его пояс для удобства, а женщина должна была, сидя на левой ноге, накрыть ее полкой тона, руки при этом положив на колени.

Когда в юрту входил лама, то мужчины, сидевшие до этого в головных уборах, снимали их в знак глубокого почтения. Перед молением присутствующие в юрте становились на колени - поза кудук базар. Ладони рук прижимали друг к другу, убрав вовнутрь большие пальцы, причем ладонь правой руки должна была быть сверху. В наше время на колени садятся только за работой, например, сбивая шерсть. Пожилые люди запрещают сидеть в

этой позе, т.к. раньше пытали провинившихся, ставя коленями на гальку.

Ламы, чиновники или почетные гости садились, подогнув под себя ноги, крест-накрест, в так называемой позе лотоса. Она называется баскактапып олуары. Кроме них, больше никто не мог позволить себе так сидеть, однако, сейчас так сидят почтенные мужчины преклонного возраста, когда в юрте нет гостей.

Дети обычно сидели в позе буттарып коступ алгаш олуары - вытянув ноги перед собой, в сомкнутом положении. Взрослые люди так не сидели.

Правила запрещали сидеть в следующих позах:

1. Дазалап — человек сидит на полу, ноги вытянуты прямо и немного раздвинуты в стороны.

2. Бут куспактап олуары — сидение на полу, ноги согнуты в коленях. Так сидели бездетные и осиротевшие.

3. Бут баштап олуары — сидение на левой ноге, поставленной на носок, ступней правой ноги упираясь в землю.

4. Дашкаар олуары - сидение на коленях, при этом носки соединены, пятки в стороны.

5. Куш олуду олуары - на корточках.

В современном быту сохраняются немногие из 9 описанных поз. Другие же, носившие характер унижения или, наоборот, превосходства, ушли из быта тувинцев.

После того, как гость и хозяин обменяются трубками и закурят, начиналась этикетная часть разговора: — «Благополучны ли вы от всяких бед и болезней?»

— Избавлены ли вы от джута? Благополучен ли скот от напастей и хищников?

— Хорошо ли упитан скот?

Хозяева отвечали вежливыми вопросами:

— Благополучно ли прибыли?

— Какие новости у вас?

И только после этой обязательной церемонии переходили к разговору»²⁵.

В наше время такой этикет несколько упростили, короче стал традиционный диалог о делах и работе, не функционируют некоторые жесты. Но традиционные взаимные приветствия в более кратких формах исполняются в быту.

Был у тувинцев такой обычай: любого человека, проезжающего мимо аала или юрты, хозяйка обязательно приглашала в жилище отдохнуть с дороги, поднося в первую очередь аяк (пиалу) горячего чая с молоком. В народе говорили: «Акты амзадыр, аяк эрнин ызыртыр» - «Белую пищу попробовать, пиалу слегка пригубить». Это было еще не угощение, а, скорее, форма выражения доброго отношения хозяина к гостю, которому почитаемая многими азиатскими народами «белая пища» — «как чем», цвета молока — цвета благополучия, чистоты помыслов человека, счастья.

Обязательной частью церемонии был обычай *таакпылажыр*: «хозяин вынимал табакерку с нюхательным табаком, обычно подвешенную к поясу в футляре, либо положенную за правую полу, и предлагал ее, не произнося при этом слов, гостю, протягивая табакерку правой рукой, придерживая ее левой. Тот аналогичным образом ее принимал. Взяв по понюшке табака, они начинали его нюхать, но чихать при этом или что-либо говорить считалось неприличным. Затем табакерки возвращались владельцам. Равнозначным в тувинском этикете был обмен трубками с табаком: хозяин, раскурив свою, молча подавал ее гостю (правой рукой, которую обязательно придерживал левой), а тот, вытащив свою трубку из-за пояса или голенища сапог и раскурив без слов, таким же образом передавал ее хозяину. Молча покурив некоторое время, они вновь обменивались трубками. Когда в юрту входило несколько гостей, то вначале *таакпылажыр* совершался с наиболее почетным или самым старшим гостем, сидевшим с хозяином, а затем с остальными, располагавшимися в юрте по старшинству; чем более уважаемым был гость, тем ближе к хозяину он сидел»²⁶.

После чая гостю предлагали мясные и молочные блюда; пиала и чайник всегда были перед гостем. При этом строго выполнялось и выполняется сейчас правило не наливать чай в чашку до краев. Неполная чаша означала, что спешить некуда, предстоит выпить еще не одну пиалу, и только самую последнюю чашу гостя, непосредственно перед его отъездом, разрешалось наполнять до краев. И ныне, в гостях и у городских жителей это правило соблюдается, оно естественно перешло из юрты в современную квартиру, как правило тувинского этикета.

Если гость очень уважаемый человек, то его не угощали чаем, сваренным до его прихода, а готовили при нем свежий чай — в знак особого расположения хозяина к гостю. Пиалу подавали двумя руками, показывая этим свое уважение и как бы желая ему всего самого наилучшего. Для такого человека специально кололи барана.

Тувинцы прежде только после сытной пищи предлагали гостю попробовать араку – молочный, хмельной напиток, чашечку с аракой протягивали либо двумя руками, либо держа в правой, а левой рукой поддерживая правую выше кисти. В давние времена так протягивали чашу, поддерживая длинные рукава, чтобы рукав не касался пищи, расставленной перед гостем. Сегодня этот жест сохраняется, но изменилось его функциональное значение – его используют в особых, наиболее торжественных случаях, чтобы выразить уважение гостю. Длинные рукава, закрывающие кисти рук, у современных халатов отсутствуют. Гость, приняв пиалу, прежде чем пригубить напиток, окроплял им очаг хозяев безымянным пальцем правой руки, держа пиалу в левой. Это древний жест *чажыг* – жест жертвоприношения духу-хозяину жилища.

Приезд гостей в жилище всегда был праздником для хозяев, т. к. жили тувинцы небольшими аалами вдалеке от других поселений. Они постоянно общались, и друг у друга узнавали новости. Тем не менее, при приеме гостей хозяева никогда не суетились. Необходимые приготовления выполнялись ими спокойно, размеренно. Все жесты, движения, слова обращения в этом процессе «отработаны», «отрепетированы» веками.

В юрте, жилище с ограниченной площадью, без перегородок, складывались и действовали в течение столетий традиционные правила общения и поведения. Говорили негромко, не принято было сильно размахивать руками, т.к. людей в юрте зачастую собиралось много и в ней было тесно.

Говоря о себе, о своем доме, жене, детях, тувинец употреблял выражения: «Мээң багай бажыңым, — «Моя убогая юрта», даже если юрта была богатая, белая и было много угощений. О жене «Мээң багай кадайым» – «Моя бедненькая жена». Слово багай (бедный, плохой) произносилось, когда говорилось о себе и

о близких родственниках. О том же, что касалось собеседника, этикет предписывал говорить с величайшим почтением.

Смотреть неотрывно в глаза собеседнику не полагалось, поскольку считалось очень неприличным, вызывающим. Кроме этого, некрасиво было, с точки зрения тувинца, проявлять внешне свои чувства: правила предписывали крайнюю сдержанность в общении.

Самое святое и почитаемое место в юрте - очаг, чтобы его не «прогневить», тувинцы освещали огонь перед едой, «кормили» его чаем, молоком, жиром и лучшими кусочками пищи. «Огонь — дух, он силен и может принести вред, если сердит, поэтому его нельзя ругать, в него нельзя плевать. Женщинам и людям из другого рода вокруг огня можно ходить только так, как ходит солнце. Через огонь нельзя прыгать. Нельзя зажечь головню в огне очага чума и выносить ее из чума»²⁷.

В наши дни все эти запреты, связанные с очагом, не выполняются точно, как предписано обычаем, но и сегодня огонь очень почитается. Нередко можно увидеть, как пожилые люди перед тем, как приступить к еде, бросают в огонь кусочки пищи — это, конечно, дань старой традиции.

С юртой связано и много других запретов. Нельзя, например, наступать и садиться на порог. Это место, где, как полагали, сидят злые духи «аза», которые могут принести большой ущерб хозяевам, если их задеть. Существуют запреты для женщин: им запрещалось переходить с хозяйственной (женской) стороны юрты в гостевую, когда там сидели мужчины-гости или старшие по возрасту или пожилые родственники мужа (мужскую). Если же это было необходимо, то заходили они только со стороны очага. При этом проходить следовало не между людьми, сидящими на местах для гостей, и очагом, а за ними. Женщине также запрещалось ступать через вещи мужчины, особенно через оружие, это могло привести к неудаче на охоте. До сих пор женщины в юртах, особенно пожилого возраста, строго выполняют эти запреты.

В юрте не полагалось свистеть. И сегодня тувинцы неодобрительно относятся к тем, кто свистит и обязательно сделают замечание. Считалось, что свистом можно навлечь беду на кого-либо из близких родственников: сына или брата. Это правило стало частью тувинского народного этикета.

Веками тувинцы рождались и жили в юрте, в ней формировались традиционные нормы поведения, многие из которых стали сегодня элементами тувинских правил хорошего тона. До наших дней дошли они в трансформированном виде. Возникли они в древности, в большинстве своем были связаны с представлениями о могуществе природных явлений, духов добрых и злых, хозяев тех или иных мест. Некоторые традиционные обряды и обычаи дошли до нас в канонизированной форме, закреплённой столетиями, в которой слиты воедино магические, утилитарные и эстетические свойства. «Став общепринятой, обрядовая форма подчиняет переживания и мысли молодых поколений общему направлению переживаний и представлений, свойственных духовной жизни умерших поколений, оставивших в наследство молодым готовые русла выражения эмоций и мыслей»²⁸.

Многие обряды, нормы этикета возникли на основе существовавшего неравенства между бедными людьми и богатыми, между аратами и представителями религиозного культа. В наше время многие жесты уничижительного значения или, наоборот, превосходства, справедливо забыты. Остались лишь наиболее ценные, важные для народного этикета, народной психологии тувинцев, правила и обычаи, благотворно влияющие на формирование современного человека, воспитывающие в нем бережное отношение к природе, животным, уважительное обращение к старшим, формирующие в семье доброту к окружающим людям, к своему дому. В этом — непреходящая ценность и значимость национальных традиций и залог их долгого существования и развития.

Лекция 3. Семья и семейные обряды

1. Освящение домашнего очага
2. Уруг дой. Обрезание волос в трехлетнем возрасте.
3. Помолвка и свадьба
4. Похороны

Семья для тувинцев была смыслом жизни, поскольку все жили в юрте и далеко не отдалялись от нее на протяжении всей жизни. Родители с большой любовью растили своих детей, а дети

впоследствии содержали своих престарелых родителей, зная, что добро, сделанное сегодня отцу и матери, будет непременно возвращено их детьми. Этот закон жизни сохранялся на протяжении столетий

От дагыыры – освящение домашнего очага

Это один из древнейших семейных обрядов, поскольку дух огня, наравне с духом воды, считался одним из самых могущественных. Как пишет М.В. Монгуш, «обряд от дагылгаазы в Монголии и Китае (тувинцы. – А. К.) устраивают 23–25 числа 12-го месяца по лунному календарю, т.е. за несколько дней до Нового года, в то время как в Туве его проводили поздней осенью. Тувинцы издавна верят в очистительную силу огня, поэтому обряд от дагылгаазы иногда устраивается в связи с чьей-то болезнью в надежде, что языки пламени отгонят злых духов»²⁹.

По мнению Хэ Сянляна, обряд освящения огня совершался в девятом месяце по лунному календарю, временем проведения обряда была осень, причем многие наши информанты обязательно указывали, что совершали его непременно после сбора урожая проса. Алтайские тувинцы выбирали именно период поздней осени потому, что в это время земля была сухая и тогда легче всего случиться пожару. У духа огня просили защиты от стихийного бедствия. Проводили обряд после всех летних работ: стрижки овец, сбора урожая, ремонта юрты, запасшись дровами на зиму.

В Туве этот обряд могли себе позволить только богатые, бедные его не совершали, так как он требовал больших затрат. По воспоминаниям информанта А.Б. Сарыг-оола, в местностях Кызыл-Чыраа и Мунгаш Элдэ было много богатых людей, совершавших в конце 20-х годов этот обряд.

Проводили его служители культа: шаманы или ламы, которым надо было хорошо заплатить. Менее состоятельные люди проводили его один раз в три года, так как считалось, что если не совершать его вообще, то семью постигнет несчастье. Часто обряд проводили сообща большим семейством в юрте самого старшего члена семьи.

Готовились к нему заранее, необходимо было за несколько дней тщательно убраться в юрте и на всей прилегающей территории, а также в загонах для скота. Заранее готовили обрядовую пищу: молочную водку – араку, сыр, жареное просо и другие. На

большом блюде – дэспи – раскладывали лучшие куски вареной баранины – грудинку, заднюю часть и много мякоти.

Участвовали в проведении обряда обычно члены одной семьи и ближайшие родственники. Жертвенным животным была коза желтого цвета или белая овца с желтой головой. Огонь тушился и разжигался новый с помощью жира жертвенной козы, с добавлением благовония – артыш. Затем в огонь бросали лучшие кусочки пищи, становились на колени и трижды кланялись. На улице перед юртой также разжигали жертвенный костер, там и начинался обряд, затем все перемещались в юрту, и шаман или лама освящал домашний очаг. Помогал ему хозяин юрты: подавал чай, трубку, всем присутствующим дарил дадазын – ритуальную полоску из кожи. Жертвой огню служила самая лучшая часть – грудинка. По сообщениям наших информантов, ее заворачивали в кадак белого цвета или в нутряное сало и бросали в огонь, а когда она догорала, окропляли огонь молоком и аракой. Все присутствующие кричали: Курай! Курай! Курай! – магическое заклинание. Священнослужителю после этого преподносили вместе с подарками заднюю часть барана.

Освящение домашнего очага происходило следующим образом: на месте очага, предварительно убрав все, раскладывали сухие дрова квадратом, в виде ограды кошары, внутри клали «серге дожээ» – в буквальном переводе «подстилка для кастрированного козла». Привязывали к дровам чалама, а сверху клали грудинку барана. У очага также ставили фигурки козла из теста, затем шаман поджигал дрова с четырех сторон. После этого шаман начинал камлание с чтением благопожелания о благополучии для семьи и родственников, сидевших вокруг очага:

Мой бронзово-стальной огонь-творец,

Помилуй, хайыракан!

Пусть мир-спокойствие будет,

Пусть козлята-ягнята резвятся!

Огню-творцу я поклонился,

Кладу на треножник са.

Помилуй, хайыракан!³⁰

Присутствующие вслед за шаманом восклицали «Курай!», а хозяйка окропляла огонь топленным маслом, обходя вокруг него три раза, начиная с восточной стороны по ходу солнца, остальные

следовали за нею и также молились по три раза. По сообщению О.И. Мунзука, на время проведения обряда в юрту заводили козла или барана желтого или белого цвета и привязывали к его шее чалама. Его держали у входа, а когда шаман обходил очаг, кто-нибудь из членов семьи водил освященное животное за служителем культа. При остановках шамана он брал козла за голову и опускал ее, прикасаясь к полу, затем заставлял животное на месте очага рогами рыть землю, это повторялось три раза. После совершения ритуала козла отпускали в стадо, а все участники приступали к трапезе и затем играли в игры – кажык (игра в кости), даалы (домино) и другие.

В особых случаях, при тяжелой болезни члена семьи обряд проводили вне установленного времени. Так, по сообщению Деспижека Доккуй-ооловича Донгака, во время болезни брата, его отец пригласил шамана, который сообщил, что на их очаг навели порчу, если его не освятить, то случится несчастье. Перед обрядом юрту украсили разноцветными чалама, приготовили все необходимое и шаман начал читать благопожелание. Затем шаман окурил членов семьи и больного артыш – можжевельником, умыл всех ритуальным напитком аржаан (молоком вместе с можжевельником). После этого отец привел освященного козла, провел его вокруг очага, наклоняя его голову в четыре стороны света, начиная с востока, и поставил у входа на коврик. Его напоили молоком и окурили можжевельником. Шаман и отец помазали козлу одну ляжку и рога, заменили ленту на его шее – признак освященного животного – на новую красную. Затем Чарык-Хам [имя шамана. – А. К.] посоветовал отцу подвести козла к больному, сказав ему дышать на козла, после этого началось камлание с чтением благопожелания. Затем козла отправили в стадо, а люди приступили к трапезе.

Обряд освящения огня был единственным семейным молением в структуре обрядов – молений (тагылга) тувинцев, но чрезвычайно важным для психологического самочувствия семьи. Главной целью его проведения было укрепление семейных отношений, достижение психологического комфорта.

Тувинец изначально не мог жить без детей. Если у женщины дети не выживали, то эта семья могла взять приемного сына или дочь, причем, лучше всего у родственницы несчастной жен-

щины. Отправляясь в юрту, брали с собой молочную водку (араку) в кожаных фляжках, вареную баранину (целая туша) и другие яства. Этот обычай древний, но с началом оседлой жизни он начал исчезать. Некоторые матери-одиночки сдают своих детей в дома-интернаты³¹. У бурят также «желание иметь детей, сознание необходимости продолжения рода были настолько велики, что они породили обычай усыновления, ставший распространенным и повсеместным у бурят. Каждая бездетная семья старалась усыновить детей, особенно мальчиков, чтобы они продолжили род.³²

Тувинцы очень любили детей и никогда их не наказывали, эту особенность народа отмечали многие путешественники конца XIX - начала XX века. Дети у тувинцев являлись самой главной ценностью, в них они видели смысл своей жизни. У многих авторов встречаются одни и те же детали, по которым можно судить, насколько привилегированное положение в обществе занимают дети. К ним «родители относятся удивительно бережно и заботливо. Держат их до 3 лет нагишом, по всем вероятиям, по зимам их все-таки укутывают в мех. До 2 лет ребята целыми днями ползают по полу в юрте и только на ночь укладываются в люльку вроде корытца, в которую вниз насыпана зола, затем положена шерсть, хорошо расчесанная и вымытая, поверх которой кладется мягко выделанная шкурка, в мех которой ребенок запеленывается и затем зашнуровывается к краям люльки, чтобы ночью не мог выпасть. Кормят грудью очень долго. Ребята уже бегают, должно быть лет двух или трех, но все еще питаются молоком матери³³.

Уруг дою – праздник обрезания волос в трехлетнем возрасте. По представлениям тувинцев в волосах заключалась сакральная сила, и до трех лет их нельзя было обрезать. Однако, как и любой другой народ Востока, тувинцы первым годом ребенка считали его пребывание в утробе матери, таким образом, на самом деле ребенку было два года. Это был первый большой семейный праздник при достижении ребенком трехлетнего возраста, именно тогда человек становился обладателем своей собственности – скота, который к свадьбе размножался до большого стада.

Приглашались исключительно родственники. Родители ребенка просили самого пожилого члена семьи совершить обряд обрезания волос. Он первым подходил к ребенку, «гладил его по

головке, три раза слева направо, по движению солнца, обводил вокруг нее ножницами, задевая ими и концом *кадака* волосы, и благословлял:

Пусть будет непобедимым в спорах,
Не знает поражения перед теми, кто имеет лопатки!
(Имелись в виду люди, животные, звери.)
Пусть будет жирным, как курдюк,
Состарится до белой седины, как заяц.
Пусть будет много детей,
Пусть будет тьма скота.
Пусть будет славным,
Пусть будет благородным.
Пусть доживет до глубокой старости,
Пусть будет сон блажен.
Пусть умрет, сорвавшись с обрыва.

(Смысл последних двух строк: пусть умрет легкой смертью)³⁴. Затем он обрезал прядь волос ребенка и дарил теленка, жеребенка или козленка. После него все члены семьи от старшего к младшему, тоже дарили животных, произнося свои благопожелания. Пряди волос ребенка брали себе, а родители завязывали первые волосы в кадак и клали в подушку (мешочек), а накануне Шагаа привязывали их к священной стреле³⁵. После этого ребенка брили наголо, а затем он отращивал волосы: мужчины носили одну косу, женщины – несколько. Женщине, которая принимала роды и обрезала пуповину, преподносили вареный курдюк барана. По правилам традиционного этикета, роднящим тувинский этикет с другими восточными народами, ребенка (как, впрочем, и возлюбленную) не целуют, а нюхают, чтобы услышать его запах, обонятельные ощущения больше значат на Востоке, чем вкусовые. Это, так называемый малайский поцелуй. «Замечательно, что детей урянхи не целуют, а нюхают, нежно прижимаясь к ребенку. Это можно наблюдать во всех хошунах»³⁶. Важно отметить, что это не просто поцелуй, это целый ритуал, когда взрослый обращался к ребенку со словами: «Подойди ко мне, дай-ка я тебя поцелую!» Ребенок подходил к нему и осторожно наклонял голову, чтобы случайно не ударить ею взрослого. Этот ритуал говорил о любви взрослого человека и ребенка гораздо больше, чем слова.

Немецкий ученый Эрика Таубе, изучающая фольклор монгольских тувинцев отмечает, что «для тувинцев дети – самое ценное из того, что у них есть, и в сказке, в соответствии с этим тоже всегда подчеркивается, что ребенок – это лучшее, что может пожелать себе человек, и нет ничего необычного в том, чтобы усыновить ребенка..., ибо бездетность и одиночество – большое несчастье в старости даже по экономическим причинам, так как еще и до сегодняшнего дня само собой разумеется, что родители в старости живут у одного из своих детей, который содержит их и заботится о них, а ему помогают и все другие братья и сестры»³⁷. Далее она отмечает, что почти за шесть месяцев, которые она прожила среди тувинцев в их юртах, ни разу не видела, чтобы ударили ребенка. «Благодаря нежному обращению с детьми в младенчестве, родители пользуются у них громадным уважением и любовью»³⁸. Кроме того, ребенок видел, как к самому старшему в роду обращались окружающие в повседневной жизни и, особенно, при совершении обрядов.

Таким образом, основы традиционной этики познавались тувинскими детьми не через правила и требования «уважай старших», а через безграничную любовь.

Куда – свадьба, один из наиболее устойчивых компонентов современной духовной культуры, в котором можно проследить традиции, формировавшиеся в различные исторические периоды. В очень сложном комплексе свадебного ритуала, состоящем из многочисленных обрядовых действий, до сих пор сохраняются архаические черты верований, семейно-брачных отношений, отражающие социальные, правовые, религиозные, эстетические представления тувинцев.

Свадебный обряд предполагал следующие этапы:

Обряд сватовства можно было проводить, когда жених и невеста были в младенческом возрасте, родственники жениха преподносили родителям будущей невесты дадазын. Этот обычай назывался дадазын тудупээр, с подношением при этом дадазына и когээржика араки. Сватовство начиналось следующим образом. Родители жениха заранее оповещали родственников невесты о своем приезде. В юрте невесты должна была собраться вся родня, в качестве подарка они получали чай и молоко. Этот обычай назывался сүт чедирери – «молоко привести» или шай бузар –

«разбивать чай». «По правилам этикета, родственники девушки сначала угощали прибывших гостей. С их стороны особой подготовки не требовалось, однако, зная, что придут сваты, все же готовились принять гостей. Только после того, как будет выпита первая чашка чая, прибывшие люди приступали в обряде сватовства»³⁹.

Перед тем, как невесте заплетать косы, «возле юрты расстилали простеганный нитками войлок (ширтек), на который набрасывали подстилку для сидения – куудус (тоже войлок, но обшитый материей, с широким кантом по краям из материи другого цвета). На ней усаживали рядом жениха с невестой (жених сидел справа, а невеста слева), после чего левую руку жениха и правую руку невесты связывали шерстяной ниткой и мазали обоем руки маслом, затем мать невесты заплетала ей волосы, как носят их замужние женщины, в три косы – две на висках (чашын чарып) и одну, толстую, сзади, к которой приплетались закинутые назад косы с висков»⁴⁰.

Затем приводили жениха и невесту, и девушке переплетали косы, однако перед тем, как переплести их в три косы с украшениями жениха, и ему расплетали косу и вплетали его волосы в одну косу с волосами невесты, что символизировало будущую совместную жизнь. Так они сидели некоторое время, затем невесте переплетали косы по-новому, показывая этим, что девушка сосватана.

На сватовстве довольно распространенным был также обычай чырык ызырчыр или чырыктажыр: кусок губы барана давали прикусить девушке, а жених должен был выхватить его своими губами изо рта невесты, символически показывая, что она сама также вскоре будет оторвана от своей семьи.

Вторая стадия сватовства – закрепление сговора о предстоящем браке – называлась дугдеп или шай кудар – «чай наливать».

На свадьбе родители жениха дарили скот, а родители невесты – готовили юрту для молодых и всю обстановку, а также посуду, постельные принадлежности.

Время переезда невесты и сам путь назначали шаман или лама. Сваты должны были встречать невесту с родственниками в двух-трех местах по пути. В аале жениха гостей встречали с чашкой молока – белой пищей. Старший из рода жениха, взяв чашку с

молоком, подходил к уже установленной юрте невесты, в которой она находилась со своей родственницей, и приглашал в юрту родителей жениха для проведения свадьбы. Около юрты старейшина читал благопожелание:

Пусть будет юрта, возведенная на холме!

Пусть будет так много скота, чтобы покрыть им возвышенность!

Пусть имущества будет с гору!

Пусть будет столько скота, сколько караганника!

Пусть скота будет полная лесная поляна!

Пусть будет юрта цвета белого яйца!

Домашний скот многочислен будет пусть!

Пусть будет много-много детей!

(Перевод дословный. – А. К.)

После этого невеста и старейшина приветствовали друг друга особым способом – чолукшууру, невеста пила молоко, все входили в юрту и произносили свои благопожелания. Невеста в свадебном головном уборе – думаалай – накидке, скрывавшей лицо, и в нарядной одежде совершала чолукшууру с родственниками жениха, и начиналось пиршество и игры. На состязаниях между молодежью обоих родов было желательно, чтобы выигрывала сторона жениха – своеобразный символ главенства в будущей семье мужа. Так оно обычно и было. На следующий день родные невесты отправлялись в свой аал.

Н. Ф. Катанов в рукописи «Очерки Урянхайской земли» писал: «Невеста идет к жениху, с закрытыми шелком глазами, верхом [на лошади. – А. К.]. Лошадь ее ведут под уздцы родственники жениха. Приведя ее под уздцы к юрте жениха или женихова отца, ее водят по 3 раза кругом юрты. Ведет ее лошадь за поводья отец ее, сидящий верхом. Пока он обводит, многочисленная, присутствующая тут толпа родственников обеих сторон брызжет речную водою несколько раз на лошадь невесты и ее отца. Толпа эта, вся верхом, объезжает юрту 3 раза вместе с невестою. Юрту объезжают, начиная от дверей юрты по течению солнца. Жених во время этой церемонии сидит со своими родителями в юрте, которую объезжает народ. Потом невеста входит в новую, для новобрачных построенную юрту, где ее встречают сидевшие в ней все время родители жениха. Невеста кланяется им в ноги, а

жениху не делает никаких поклонов. Народ входит за нею, ест много мяса, пьет водки и возвращается домой на другой день. Если у невесты нет родителей, то лошадь ее ведет за собою какой-нибудь из ее родственников. Мать невесты участвует в церемонии, как посторонняя. Водю обрызгивают коней невесты и ее родителя только толпа жениха улуса вместе с прочими (этого же улуса) родственниками жениха!

Пир свадебный по-сойотски называется “той”. Он идет только одни сутки, как у богатых, так и у бедных»⁴¹.

Совершая этот обряд, тувинцы как бы приручали девушку из другого рода и другой местности к новому месту, где ей предстояло жить. Мать жениха обращалась к ней со словами: «Вот земля, где ты должна умереть, теперь ты наша!» Потом мать жениха брала ее за руку и давала выпить молока ей, ее жениху и пила сама⁴².

В свадебном обряде совершалось несколько ритуальных жестов, связанных с древними мифологическими представлениями, в них жест значил больше, чем слово. Чтобы «приручить» невесту к новому роду, сделать своей, совершали особые действия: вплетение на некоторое время волос жениха и невесты в одну косу или связывание их рук нитью, подношение чая и молока, символический объезд невесты на лошади юрты родителей жениха, «вырывание губы барана». Информанты также рассказывали о довольно распространенном обычае ритуального обращения матери жениха к невесте, когда она произносила выражение, приведенное Н. Ф. Катановым, кладя небольшой камень на полу тона невесты, как бы в подтверждение своих слов⁴³.

В другом случае, описанном Н. Ф. Катановым, родители невесты клали девушке на подол колотушку от ступки, в которой толкли чай, что символизировало, что она уже никогда не покинет новый дом. Даже спортивные состязания молодежи и их результат были заранее предопределены традицией.

Эти действия были чрезвычайно важны для менталитета традиционного общества, где четко были очерчены границы: свой мир и чужой. В данном случае «своим миром» невесты становилась земля жениха, а невеста принималась представителями его рода и становилась своей. Для этого надо было еще заплатить калым отцу невесты «верблюдами, лошадьми, коровами и овцами.

Число коров и овец доходит до 100»⁴⁴. Бедные люди, родственники жениха, за невесту преподносили ее родителям чай. Однако, став относительно своей, молодая жена должна была соблюдать и запреты: «невестка никогда не может смотреть на своего свекра, она уходит из юрты, если приходит свекр. Невестка никогда не называет по имени своего свекра или свою свекровь»⁴⁵.

А.А. Турчанинов писал: «Месяца через два или три приезжает отец невесты, и если молодые живут дружно, то им выдается часть скота, обусловленная в договоре как приданое, если они не сошлись характерами, им ничего не дается. В случае, если они пожелают разойтись, то невеста увозит с собой все, что она привезла и брак считается расторгнутым»⁴⁶.

О тувинской свадьбе подробно написано в книгах: Биче-оол С.М. «Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период» (Абакан, 2018) и Донгак С.Ч. «Тыва куда ёзулалдары. Традиции тувинской свадьбы» (Кызыл, 2011).

Женщина имела в тувинском обществе достаточно высокий статус. По мнению М.Б. Кенин-Лопсана, «древние тувинцы называли мать богиней. На белом свете нет человека дороже матери. Есть такая пословица: кто обидел свою мать, тот не найдет места, где жить. Ни мужчина, ни женщина никогда не называли имя матери из-за уважения к ней. Также прямо не называли имена почетных людей и людей пожилого возраста, а уважительно величали их, подчеркивая какие-то способности»⁴⁷. На священном месте, своей койке, могут спать только хозяин с хозяйкой и ребенок в колыбели. Все другие люди не имеют права даже приближаться к этой койке, которая всегда стоит в правой стороне юрты у стены... Покрывалом зимой служило тувинское одеяло, сшитое из обработанной овечьей или козьей шкуры, а также теплые шубы... На койке бывает только одна тувинская подушка, которая имеет квадратную форму и расшита красивыми узорами. Такую подушку берет с собой из юрты родители невеста, когда выходит замуж»⁴⁸.

О том, что женщина является хозяйкой юрты писал М.Б. Кенин-Лопсан: «Раньше всех выходит из юрты хозяйка-мать, проверяет целостность скота, снимает войлочное покрывало дымохода, потом возвращается в юрту. Она зажигает огонь под тре-

ножником, заваривает чай и верхней частью этого чая окропляет огонь очага, затем выходит из юрты и окропляет небо и землю. Первую пиалу с чаем подает мужу»⁴⁹.

К людям, убеленным сединой, знавшим многих ушедших в другой мир и живших среди людей, относились с особым почтением. Традиция эта пришла к тувинцам из глубины веков и жила в сердце каждого человека.

Похороны. «Буддизм, по-видимому, внес в этот обряд только одно изменение, а именно то, что покойника кладут не в гроб, а прямо на поверхность. В Бейсе хошуне покойника зашивают в сидячем положении в кошму, к которой привязывают аркан, затем поднимают юрту, чтобы его не выносить сквозь дверь, и за аркан вытаскивают наружу, причем так и везут в горы, где и оставляют. Через 40 дней ездят смотреть, начали его есть волки или нет. Двое суток по богатым ламы читают отходную, за что семья покойного платит им две скотины. Провожают покойника, с плачем, все родные верхом и потом поминок не устраивают...

После смерти отца сыновья делят наследство поровну, и незамужние дочери получают равную часть. Мать держится в большом почете, пожалуй, большем, чем отец. Мачеху дети могут отпустить домой с тем скотом, который она принесла в приданое»⁵⁰. По мнению М.Б. Кенин-Лопсана, во время похорон древние тувинцы не допускали никакого шума и, особенно, пьянства. Выражали соболезнование воскурением трубки. Того, кто появлялся пьяным во время похорон, считали родственником черта и относились к нему негативно. Строго запрещалось произносить имя покойного. Подростки не должны входить в юрту, где временно покоится тело умершего человека. «Сильный шаман или пожилой уважаемый человек показывал то место, где лучше положить, и чертил рогом козла землю. Старались, чтобы с того места не были видны острые верхушки гор, надо было положить на ровном месте. Лучшим местом считалось то, которое было обращено к востоку – восходу солнца, место, через которое «проходят лучи солнца». ...Одежду умершего, завернув, оставляли на западной стороне юрты или надевали их на какой-нибудь валежник. На той же стороне привязывали оседлого коня, переметную суму – таалын перебрасывали через седло. Вот откуда поверье, что нельзя привязывать коня на стороне, где закат, этот обряд связывали с

умершим человеком... Перед выносом умершего заворачивают в тонкий белый войлок или в шубу, причем согнутые ноги не распрямляли... До кладбища умершего провожали три, пять, семь, девять мужчин, они заворачивали рукава и ушанки во внутреннюю сторону. Родовитых хоронило больше людей – до 27, 49,81. Суть непарного количества в том, что ушедший в наслаждение – родовитый человек, уснувший долгим сном простой человек, ребенок, завернувшийся, – ушел один от своих родственников, друзей, родителей.

Проводившие в последний путь усопшего, приводили в порядок свою одежду, садились на лошадей и скакали домой, ни разу не оглядываясь. Дома они моют руки молоком с можжевельником...

Запреты: На кладбище не ходили «люди в длиннополой одежде» – женщины.

На поминальном ужине не полагалось притрагиваться «к горькой», то есть нельзя было выпивать. Не шумели, потому что могли разбудить уснувшего- усопшего. Не называли имя умершего человека – это считается неуважением. Говоря о нем, называли иносказательное имя...Нельзя плакать, смотря по направлению того места, где лежит умерший⁵¹.

Лекция 4. Нормы поведения при проведении обрядов и праздников освящения местности

Все ритуалы проводились строго по правилам, поскольку духи-хозяева мест: гор, рек, священных деревьев и т.д. требовали к себе почтения и уважения, по представлениям тувинцев. Все люди хорошо знали этикет, поскольку с самого детства наблюдали за действиями своих старых родственников и повзрослев, точно их воспроизводили. «Счастье покинет человека, если каждое утро он не будет совершать подношение небесам – жертвенное окропление чая с молоком» – писал М.Б. Кенин-Лопсан, – ...тувинцы поклонялись солнцу. Они говорили, что здоровье и счастье, все благополучие человека, высокая урожайность полей и плодовых деревьев зависит от солнца, его света и тепла. Поэтому человек не должен справлять нужду, глядя на солнце, а также плевать и кричать. Позволившему себе непочтительное отно-

шение к солнцу, после смерти, когда он попадает в мир чертей, отрезают язык... По преданию древних тувинцев, молнии сверкают, когда на небе дракон машет хвостом, а гром – когда он кричит... Во время грозы взрослые не выпускали детей из юрты, не допускали шума: дракон будет разозлен и может направить молнию в сторону юрты, где шумят люди.

... Пупок человека считался раз и навсегда слит с землей. В древние времена тувинцы очень бережно обертывали послед новорожденного ребенка чистой шелковой тканью и закапывали в юрте. Это являлось свидетельством нераздельной слитности человека с землей. А земля священна. Строго запрещалось разрушение земли. Нельзя было рвать цветы. Наши предки утверждали, что цветы и душа, вернее – ментальное тело ребенка, равны и слитны, поэтому нельзя рвать цветы.

С давних времен тувинцы весьма бережно относились к горам, рекам, озерам и ко всем недрам земли. Запрещалось рубить плодоносные растения. При сборе ягод, особенно смородины, голубики, кислицы, земляники, рвали только ягоды, а сами растения не повреждали. Строго запрещалось рубить деревья в местах, где растут облепиха и черемуха... Строго запрещалось бросать мусор и трупы животных в реку⁵².

Г.Н. Потанин писал в 1883 году: «Монгол и урянхаец видят в урочище цельное и нераздельное тело: горы, скалы, вода, лес, степь этого урочища – как будто его неотделимые члены. Такое урочище живет самостоятельной жизнью; у него есть душа. Так как урочища сливаются в целые страны, то рядом с представлением о духах мелких урочищ в народном воображении создаются духи, соответствующие этим обширным представлениям⁵³. То, что Ю.И. Дробышев пишет о монголах в прошлом, было характерно и для тувинцев: «В отношениях с духами-хранителями природных богатств, как и в отношениях между людьми, монголы придерживались принципа обмена дарами. Собственно, ритуал приветствия одновременно был и ритуалом поднесения даров. Считалось, что в ответ на подарок охотника духи-хозяева поделятся частью своих богатств, т.е. пошлют на выстрел медведя, оленя или соболя. Дичь расценивалась как дар «хозяина» тайги, поэтому, с одной стороны, нельзя не подстрелить появившееся в поле зрения животное, так как непринятие дара обидит «хозяина»,

вслед за чем обязательно последует от него какое-либо наказание; с другой стороны, проявить жадность и учинить в тайге бойню также было нельзя, потому что на количество добытой дичи традиционно накладывалось вполне определенное ограничение, а «хозяин» неотвратимо карал жадного охотника. Таким образом, запрещалось убивать зверей больше, чем реально требовалось для удовлетворения скромных потребностей. Этот запрет распространялся как на каждый отдельный поход в тайгу, так и на всю промысловую активность человека в течение его жизни... Подобно тому, как в чужой юрте нельзя устраивать беспорядок, так и в лесу запрещалось мусорить, шуметь и т.д.

У многих народов Центральной Азии и Южной Сибири отмечалось использование особого иносказания охотниками при подготовке к промыслу и во время него. Зверей и орудия охоты не называли их именами, а прибегали к словам-заменителям, которые должны были помочь скрыть от животных намерения охотников. К добытому зверю, особенно к медведю, отношение было подчеркнуто почтительным, к нему обращались как к дорогому родственнику, просили не гневаться, пытались обмануть, говоря, что убили по ошибке⁵⁴.

Большое значение тувинцы отводили луне и ее фазам. «В древней Туве неграмотные старики, увидев «молодую» луну в первых числах месяца по лунному календарю, точно говорили, когда будут жаркие или дождливые дни летом, когда будут бури, снегопады зимой и каковы будут последствия такой погоды... Тувинцы рассматривали уход старого и приход нового года в тесной связи с фазами луны. И обращались к луне с такими словами молитвы:

Старый год уходит, как старый верблюд-самец,
Новый год приходит, как верблюжонок молоденький,
Совершим обряд окуривания
Путем сжигания можжевельника
В честь Нового года и молодой Луны!
Светлая Луна, мы тебе молимся!
Светлая Луна, тебе низкий поклон! Так тувинцы молились луне, но не освящали ее⁵⁵.

Несмотря на многочисленность обрядов освящения, всех их объединяет ряд черт, характерных для них всех.

По сообщению М.Б. Кенин-Лопсана: «Перед косовицей хозяин юрты молился духу земли, брызгал молоко в сторону того места, где собирается косить траву: по представлению тувинцев, трава – живая, и без молитвы ее нельзя косить. Поэтому они просили у духа земли разрешения на покос (С. 123).

«Ритуал осуществляется весенним утром, в месте, соотносимом с центром: на горе у четырех священных деревьев (у тувинцев это – не обязательно). В ритуале акцентируется восток: в этом направлении от деревьев разжигается «большой», священный огонь. Кроме того, восток, весна и утро соотносятся с началом пространства и времени, местом и временем восхода Солнца. Восток становится в ритуале точкой отсчета при «создании» мира. Далее, «постепенно передвигаясь по направлению солнца, возносят моление каждой горе, каждой реке, не только тем, которые видны, но и тем, которых не видно, но где они бывают во время своих охотничьих скитаний.

Путем номинации (называния реальных элементов ландшафта) происходит символическое создание пространства: оно «наполняется» объектами по направлению от центра к периферии. Воссоздание Космоса осуществляется по цикличной схеме – люди поочередно обращаются к сторонам света и замыкают земной круг. Поскольку движение происходит по ходу солнца, тем самым замыкается и круг времен. Таким образом в ритуале происходит создание и освоение пространства, подкрепляемое вещественно»⁵⁶.

Все коллективные моления были тесно связаны с традиционной деятельностью тувинцев. Ритм жизни человека и всего общества сочетался с ритмом природы. Если Шагаа символизировал начало нового года – приход весны, то обряды освящения были уже сугубо летними праздниками и обрядами.

Древние тюрки, предки тувинцев, совершая обряды освящения мест, как бы приближали объекты природы к себе, своему жилищу, отделяя от чужого, дальнего пространства. Освятив близлежащие горы, реки, озера, они делали их своими, подтверждая свою причастность к ним.

Поскольку эти места были священными, люди не смели на них мусорить, поэтому лошадей оставляли довольно далеко от

них. Строго запрещено было пить араку, тем более – оставлять после себя мусор.

Совершение обряда – это важная часть жизни общества, от его проведения зависела, по представлениям тувинцев, вся последующая жизнь участников до обряда в следующем году. В это люди верили свято. Жизнь воспринималась как единый, бесконечный поток, но каждый год после тяжелой зимы необходимо было ее восстановить. Смысл проведения обрядов-молений, по сообщениям наших информантов, заключается в просьбах о благополучии рода. «Характерная черта традиционной культуры — богатство мифологии, ошеломляющее разнообразие обрядов, поверий и ритуалов и, соответственно, — особая роль посредников между людьми и духами»⁵⁷. Тувинцы освящали родовые горы Вселенную, небо, особые, отмеченные природой деревья, объекты водной стихии. Особенно почитали и старались ежегодно освящать домашний очаг. Важно отметить, что ни один объект окружающей среды, важный для жизнедеятельности людей, не оставался не освященным.

Почти все обряды освящения (за исключением от дагыбыры – освящение семейного очага) непременно проводились на возвышенности. Гора, возвышенность – главный маркер родовой земли.

Гора – место, где обитают духи, от которых зависит благополучие людей, поэтому основная, культовая часть праздника совершалась на горе. Долина – противоположность возвышенности – это место проживания людей с их радостями и бедами, болезнями, грехами, и, чтобы не тревожить духов, чтобы не прогневить их своими более свободными действиями, именно в долине происходили заключительные части крупных обрядов и праздников – спортивные состязания и пиршества – той.

Дерево – космическая ось, символический источник жизни – дерево рода – всё это разные ипостаси одной идеи центра. К его ветвям люди подвязывали ритуальные ленточки – чалама белого цвета, цвета молока, символизировавшего благополучие. «Тувинец всю свою надежду на лучшую долю жизни связывал с молоком. Молоко белое, поэтому оно приносит людям счастье, радость, удачу, доброе здоровье – так думали наши предки. Есть у тувинцев такая поговорка: «Честный человек – белый и светлый,

как молоко»⁵⁸. Жертвенник – оваа сооружался он в виде шалаша из веток молодых деревьев размером метр-полтора.

Таким образом, обрядовое пространство, отражавшее характер мифопоэтического мировосприятия древнего тюрка, представляло собой небольшую площадку в форме круга с четко выделенным центром – деревом или жертвенником с шестом. На восточной стороне устраивали самый большой из четырех жертвенных костров – саң салыры.

Действия людей при совершении обряда также подтверждают мысль об организации обрядовой площадки как модели мира. Категория пространства неразрывно связана с категорией времени. Древними тюрками зимние холодные месяцы воспринимались временем угасания, смерти и, наоборот, весенние и летние месяцы – периодами рождения и жизни. Летние обряды и праздники увеличивали, удлинляли счастливый для людей период, быстрее забывалась тяжелая, холодная зима. Ощущением радости и счастья было наступление весны. Весенний период, ассоциировавшийся с Рождением, Жизнью, новым циклом, – определяло и начало отсчета обрядового времени – раннее утро, момент восхода солнца.

Несмотря на различие освящаемых объектов, порядок проведения обрядов, их композиционное построение были общими для всех древних культов. Выделяются следующие основные части:

1. Шествие мужской половины рода (женщины не допускались) от аала к обрядовой площадке. Подготовка обрядового пространства к совершению таинства. Ожидание начала действия.

2. Прямое обращение лидера от имени всех членов рода к духам с просьбой о благополучии. Ритуальные действия – троекратный обход вокруг жертвенника и поклоны на четыре стороны света.

3. Возвращение в долину, где начинались спортивные состязания и пиршество.

К совершению обряда тщательно готовились. Задолго до восхода солнца в аала собирались мужчины, подходили к юрте старейшины рода, приглашая его провести обряд. Он принимал приглашение, и все участники начинали шествие к жертвеннику, расположенному на вершине горы. При проведении древних

культов, очевидно, уже на раннем этапе главным действующим лицом стал самый уважаемый, мудрый человек. Старейшина рода ассоциировался людьми с первопредком, именно он соизмерял действия своих соплеменников с идеалами предков, представителем которых он был среди сородичей.

Шествие к жертвеннику совершали в полном молчании. Люди поднимались на вершину горы к месту действия медленно, размеренно. Все готовились к таинству – общению с духами. При достижении обрядовой площадки участники возжигали очистительные огни – по четырем сторонам света. На возвышенности, сакральной территории, месте обитания духов, запрещено было разговаривать, поэтому ожидание обрядового часа – начала восхода солнца – проходило при полном молчании. Все участники настраивались на возвышенную тональность.

Несмотря на общие черты проведения обрядов-молений, формы общения людей с природой в образах духов-хозяев местностей, были различными.

Обряды освящения конкретных объектов природы

1. Оран Танды или Оран Делегей дагыыры – освящение Вселенной

В 20-х годах XX века он уже не проводился, материалов у наших информантов по данному обряду собрать не удалось. Судить о форме проведения обряда можно только по единственному источнику об этом обряде – работе Е. К. Яковлева⁵⁹, правда, он объединил два обряда: освящение неба и вселенной. Выделим основные черты в структуре данного обряда.

1. На обряд собирались люди со всего сумона – селения.
2. Совершался на высоких горах в июньское полнолуние.
3. Участвовали только мужчины.
4. Совершалось жертвоприношение – кололи барана, варили мясо в котлах, а после моления съедали.
5. Старейшина читал благопожелание, возглавляя процессию, обходившую три раза вокруг жертвенника с остановками в восточной стороне площадки, с разбрызгиванием молока и вздвижением рук к небу.

2. Тайга дагыыры – освящение тайги

Проводили его обычно в июле, на вершине горы, на большом перевале, где стоял жертвенник – оваа в виде груды камней,

в которую были вставлены шесты и ветви деревьев с чалама белого и голубого цвета. Около оваа устанавливали саң – жертвенный костер.

Значение этого обряда заключалось не только в освящении конкретной горы, покрытой тайгой, а всей тайги с испрашиванием у духа тайги хорошей погоды, а значит, и здорового скота.

На месте проведения обряда ставили освященную лошадь – ыдык. По сообщению наших информантов, обряд не совершался с 20-х годов, до этого времени он проводился ламами и представлял собой чтение буддийских молитв на вершине горы, участники обряда сидели и внимали молитвам.

После моления спортивные состязания не проводились, поскольку местность вокруг была таежная. Пиршество проводилось ниже вершины горы, где мужчин – участников обряда ожидали женщины, готовя праздничную пищу.

3. Дээр дагыры – освящение неба

Материалов об этом древнейшем обряде также, к сожалению, имеется и у информантов, и в архивах чрезвычайно мало, за исключением работы китайского этнографа Хэ Синляна и книги Е.К. Яковлева. В воспоминаниях пожилых наших собеседников встречается лишь упоминание о нем, само название; но в чем он конкретно заключался, не может сказать в настоящее время, вероятно, уже никто.

Попытаемся реконструировать обряд освящения неба по работам, которые все же имеются. Проводили его около больших гор, к примеру, в Улуг-Хеме около горы Хайыракан на большом поле. Это массовый обряд, в нем участвовали представители нескольких селений и проводился он в назначенный день.

Тщательно готовились к его проведению, разливали араку (молочный алкогольный напиток) в когээржик – кожаные сосуды, приглашали борцов и наездников. После моления проводили спортивные состязания и пиршество. По сообщению Хэ Синляна, у алтайских тувинцев освящение неба существовало в двух видах: коллективное моление и семейное. Первое, как наиболее характерное, проводилось в пятом-шестом месяце по лунному календарю. На нем обязательно проводилось кровавое жертвоприношение. В качестве жертвы выбирался жеребенок голубовато-серого цвета – көк. Во время жертвоприношения шею жеребенка обя-

зывали несколькими разноцветными хлопчатобумажными или шелковыми лентами – красного, синего, белого и других цветов (черную не употребляли), возжигали благовоние – артыш (можжевелник).

Участники обряда, глядя в небо, очевидно, кланялись ему. Старейшина рода читал благопожелание, затем все трижды кланялись. После этого резали жеребенка, после окончания обряда мясо съедали на пиршестве, пели песни и состязались в спортивных играх.

Отличительной особенностью данного обряда был преобладающий голубой цвет – цвет неба. По мнению китайского историка, это символ знатности и богатства.

Освящение гор и возвышенностей

4. Тувинский летний праздник оваа дагыры – освящение жертвенника

Наиболее распространенным и массовым обрядом, совершавшимся, видимо, с глубокой древности, был обряд оваа дагыры, ставший к началу 30-х годов XX века самым крупным летним праздником тувинцев. Это один из наиболее древних обрядов предков тувинцев, сохранивший в себе черты родоплеменного строя.

Свидетелями праздника оваа дагыры, совершавшегося под руководством лам в конце XIX – начале XX века, были многочисленные путешественники.

Обряды оваа дагыры проводились один раз в год – летом, дату устанавливали сообща. Оваа дагыры проводили после переезда на летнюю стоянку – чайлаг и завершения посевных работ, когда скот набирал вес. Как и все обряды и праздники тувинцев, оваа дагыры начинался рано утром, при восходе солнца. Эта традиция древних тюрков. В труде Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» есть и описание обона (оваа. – А. К.), и – крайне редко встречающегося в этнографической литературе о Туве – кровавого жертвоприношения. Около жертвенника на больших празднествах закалывали овцу, насаживали голову овцы на шест и устанавливали его у входа, обращенного на восток. На шест подвязывали чалама в виде волос «из хвоста и гривы скота». В рукописи Н. Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» содержатся сведения о ежегодно совершавшемся обряде та-

гылга: «на горе ставится меж камней какое-нибудь дерево (сосна, лиственница или береза). Перед деревом устраивается столик из ветвей; на четырех углах столика кладется зажженная богородская трава (артыш), потом колется какое-либо животное (корова, овца); легкие и сердце не съедаются, а вешаются на дерево. У дерева ставится иногда лошадь, посвященная богу, и называется идьк. Перед деревом и столиком священнодействует шаман (кам) в своей обыкновенной домашней одежде. После камлания пьют водку».

У каждого тувинского рода были свои оваа. Так, в Монгун-Тайгинском кожууне был Монгун-оваазы рода Салчаков и Хертеков. В Тоджинском кожууне оваа был расположен на самой большой горе Одуген. В местечке Манчурек-бажы, Маадыр-Аксы, было большое оваа Ооржаков. Ухаживали за ним три брата Ооржак, двое из них были чанга (чиновники). Д. Каррутерс писал: «в залесенных районах “обосы” (оваа. – А. К.) делаются из сосновых сучьев и хвороста – и издали они похожи на огромные, конической формы сложенные для костра кучи, совершенно готовые для поджога. Иногда они принимают форму хижин, сделанных из сучьев, внутрь которых надо вползать на четвереньках. С внутренностью “обосов” можно было познакомиться лишь путем освещения ее последовательно зажигаемыми спичками. Те “обосы”, в которые мы входили, или содержали различные приношения пищи богам, или же священные буддийские рисунки, или, наконец, бесчисленное количество деревянных воспроизведений животных, которые выпасались в пределах смежной с “обосом” округи, как-то: овец, рогатого скота и оленей, а также диких и пушных животных, за которыми туземцы охотятся»⁶⁰.

Каждый оваа, сооруженный из веток в виде шалаша, по общению нашего информанта О. Ч. Очур-оол, «настоящий оваа (в отличие от оваа из камней, устанавливавшегося на перевалах, у которого большие ритуалы не совершались, только жертвоприношения путника) имел своего хозяина, относился к конкретному роду или нескольким жившим по соседству родам, имел свою долгую историю, передававшуюся от одного поколения к другому. Одним из самых сложных в исследовании коллективных молений тувинцев является вопрос: почему на культовую часть большинства обрядов и праздников допускались только мужчи-

ны? Информанты, путешественники отвечали на этот вопрос по-разному: одни говорили, что женщинам запрещали присутствовать шаманы, другие – ламы. Однако наиболее верной представляется версия, изложенная в трехтомном издании новосибирских ученых «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири»: «во время весеннего жертвоприношения мужская часть рода инсценировала установление брачных отношений с природой. Эти отношения реализовывались как брачный обмен: получив жертву, природа отдавала часть своего плодородия... Результатом космического брака становилось плодородие людей, животных. А после жертвоприношения в ходе праздника (игры, скачки и т. д.) снимались многие запреты и плодородие достигалось фактически»⁶¹. Совершая обряд, мужчины как бы оплодотворяли землю, природу. Очевидно, именно по этой причине женщины не присутствовали на священном месте, у оваа.

Кульминацией обряда было обращение лидера к духам с просьбами о благополучии рода. При первых лучах солнца старейшина начинал читать благопожелание. Это всегда образные, фольклорные поэтические произведения, наполненные глубоким смыслом. Путем номинации реальных объектов создавался образ Вселенной, одновременно со словом совершалось действие – чажыг – окропление, кормление природы. Ритуальную лопатку старейшина опускал в сосуд с молоком и окроплял землю по четырем сторонам света. Мужчины, участвовавшие в молении, в этот момент наблюдали за общением старейшины с духами, молча сопереживая происходящему действию. Во время чтения благопожелания все стояли на западной стороне обрядовой площадки, лицом к востоку, смотрели на восходящее солнце через центр площадки – жертвенник. Затем мужчины выстраивались в одну линию (признак равенства всех перед духами), во главе становился лидер, и все вместе совершали троекратный обход жертвенника с остановками для поклонов во все стороны света, начиная со священной восточной стороны. Это вторая часть кульминационного эпизода, когда слова обращения старейшины рода к духам подкрепляются ритуальными действиями всех участников. Один из очевидцев совершения этого праздника в 1903 г. Ф. Я. Кон писал, что, «все приехавшие, подойдя к “ова”, били земные поклоны, затем, поставив шесты с арканами, сняли с шапок лоскуты

материи и развесили их в виде “джеламы”. На других молебнах мне не приходилось видеть подношения арканов и шестов... На мои вопросы мне объясняли, что это делается только на молебнах о благополучии скота»⁶².

В финале, после совершения всех предписанных традицией действий, преодолевая дистанцию от места обитания духов до территории людей, участники освобождались от напряжения, поэтому менялась мимика, более свободными становились движения и жесты.

5. Даг дагыры – освящение родовой горы

Обряд освящения родовой горы был, по сути, праздником, сходным с праздником освящения оваа, разница заключалась лишь в составе и количестве участников. В освящении горы принимали участие исключительно представители рода, чьей священной горой она являлась, на горе не могли присутствовать члены другого рода ни в будние дни, ни, тем более, в праздники. По количеству участников этот праздник значительно уступал оваа дагыры, на котором присутствовали люди нескольких родов со всей окрестности. Поскольку раньше тувинцы жили родами, то по всей Туве были священные горы разных родов. К примеру, в местечке Манчурек есть гора, которая была священной для рода Ооржаков. А Ф. Ш. Сегленмей рассказывал, что его родственники проводили праздник на горе Кызыл-тайга. Так же распорядитель праздника заранее распределял по арбанам и сумонам, кто должен принести продуктов и сколько. Коллективное моление проводилось на вершине горы у родового оваа, представлявшего собою шалаш из молодых деревьев. В начале XX века в даг дагыры непременно принимали участие ламы, читавшие молитвы на тибетском языке. После моления проводились спортивные состязания и пиршество. Однако, в местах, где была тайга, после первой части – коллективного моления – проводили соревнования по борьбе хуреш, а скачки устраивали в другом месте – значительно ниже, в долинах.

6. Арт дагыры – освящение перевала

В отличие от всех других обрядов, это не ежегодный обряд, он проводился путником в момент пересечения большого перевала с целью умилоствления духа – хозяина местности. На перевале маркер – оваа, состоящий из камней, с воткнутым в центр ше-

стом для подвешивания чалама. Нужно было обязательно спешиться, достать пищу и совершить жертвоприношение духу перевала в виде *чажсыг* – разбрызгивания по четырем сторонам жидкости белого цвета – молока или араки. Делалось все это для того, чтобы во второй части пути дух – хозяин перевала не навредил, обидевшись.

Освящение водных источников

7. Суг бажы дагыыры – освящение начала реки

Это самый большой обряд, связанный с водными источниками, пожалуй, его точнее было бы отнести к массовым праздникам. Это был сельскохозяйственный праздник, в нем участвовали люди, жившие на территории, находившейся рядом с рекой, но моление проводилось у самых ее истоков – ручейков – кара-суг, именно там, по представлениям тувинцев, жил хозяин воды. Если притоков было много, жертвенники сан устанавливали около каждого. Чалама делали особым способом – вешали на веревку, растянутую по обоим берегам реки. Проводился обряд обычно в форме коллективного моления, ежегодно, сразу после таяния снега, когда природа, по древнетюркским понятиям, возрождается после холодной зимы. Так как таяние снега в горах происходит обычно летом, по сообщению Б.Ч. Монгуша, праздник проводился в июле, когда вода прибывала. В случае длительной засухи также следовало проводить коллективный обряд. Отдельная семья могла совершать обряд с целью испрашивания защиты у сильного духа воды в случае несчастья.

Жертвенным животным был молодой козел. Его пригоняли на берег, заводили в воду, чтобы передние ноги были в воде, а задние оставались на суше. Водой омывали ноги животного. Затем козла кололи, мясо варили и вместе с другой жертвенной пищей раскладывали у берега реки. После этого начиналось моление с испрашиванием благополучия для участников действия. Затем люди становились на колени и трижды кланялись, кусочки жертвенной пищи бросали в воду⁶³. По сообщению О.И. Мунзука, из муки делали небольшую рыбку, она называлась узун байлан, и лама опускал ее в реку. На место проведения праздника приводили көк (сине-серого) быка, он стоял привязанным в течение всего действия, и так как после этого он считался священным – ыдык, его нельзя было резать. Умирал он от старости, после чего даже шку-

ру с него нельзя было снимать. Считалось, что только после проведения этого обряда река людям не навредит, и они будут жить счастливо, так как им будет помогать хозяин местности.

8. Буга бажы дагыры – освящение начала канала

Это земледельческий обряд, проводившийся в течение многих столетий, очевидно, с периода Уйгурского каганата, поскольку в Туве сохранилось множество оросительных каналов, датирующихся VIII-IX вв. Ф. Кон отмечал, что главные оросительные каналы (буга) проводились с речек, протекавших по высоким местам, «причем, если канаву приходится провести через крутые лога, то воду проводят желобами. Боковые канавки-арыки проводятся каждым хозяином на свою пашню».

Проводили этот обряд всегда на одном месте – буга дозу – у самого начала оросительного канала около листовенницы, на которую привязывали *чалама*, после сооружения канала или после того, как расчищали канал после зимы. Рыть канал (в течение 5–6 дней) и участвовать в проведении обряда должны были непременно все жители местности. Людей, уклонявшихся от работ по строительству или реконструкции канала, приводили к нему и били (до 1917 года), а позже – осуждали.

У каждого канала был свой начальник – «тара тарга» (Ф. Кон), ответственный, которого избирали заранее на общем собрании. Он имел право наказывать хозяина быка, если животное случайно заходило на охраняемую территорию вблизи канала⁶⁴.

На обряде совершали жертвоприношение – быка. Тот человек, у которого был бык черной или – лучше – синей (серой) окраски, приводил животное на место совершения обряда, где его закалывали. Все участники возмещали хозяину быка убыток зерном. Убивали быка особым ритуальным способом: животное заводили связанным в воду, опускали его голову к воде и резали так, чтобы кровь капала в воду и расходилась по полям. По сообщению Ондара Илдамовича Мунзука, 1918 г. р., уроженца Барун-Хемчикского кожууна, быка закалывали исключительно на больших каналах, на обычных – небольших, к примеру, козла.

Суть обряда заключалась в умиловлении духов канала и местности ради

получения хорошего урожая зерна. С этой целью читалось благопожелание.

В последующие годы перед совершением обряда канал очищали и обряд проводили перед весенним посевом. Часто приглашали для проведения обряда ламу, который читал молитвы. Участники действия вешали чалама на дерево, растущее вблизи начала канала, раскладывали принесенную пищу, напитки, но без араки, так как весной ее не было. Расплачивались с ламой зерном.

9. Холь (бажи) дагыыры – освящение озера

Обряд освящения озера, практически, забыт. Наши информанты обычно говорили, что знали, что такой обряд был, но сами на нем не присутствовали. Русский путешественник начала XX века Б. К. Шишкин отметил только, что «в Годжинском хошуне существует озеро Годжи-куль и на горах, окружающих озеро, стоит до 40 “обо”»⁶⁵, очевидно, это озеро освящали. В «Отчете агронома Урянхайского края А. А. Турчанинова за 1915 год» указывалось, что на многих озерах, богатых рыбой, было запрещено заниматься рыбной ловлей, они периодически освящались ламами и объявлялись заповедными. По всей видимости, в начале XX века этот обряд проводили ламы и, естественно, в освященных озерах ловить рыбу было строго запрещено.

10. Аржаан дагыыры – освящение минерального источника

Обряд был не массовым и совершался летом, после того, как источник чистили от старых листьев и веток после зимы. Приезжая на аржаан, люди первым делом подвизывали к ветвям священного дерева, росшего у самого источника ритуальные ленточки, возжигали очистительный огонь – саң салыры, если требовалось, очищали от веток источник, совершали ритуальное действие – чажыг–окропление, кормление Природы. Необходимо было произнести благопожелание к духу-хозяину целебного источника и только после этого можно было приступить к лечению минеральным источником.

Освящение деревьев

11. Хам-ыяш дагыыры – освящение дерева-шамана

Священное дерево представляло собой лиственницу с ветвями, запутанными в шар, у этого дерева ветви должны быть густые, как бы свернувшиеся наподобие гнезда. Русские называли такое дерево «вихровое дерево». Местность, где росло дерево-шаман, обычно представляла собой небольшую полянку, только с

одним этим деревом. Была она всегда чистой, так как без надобности люди туда не ходили. Выбиралось дерево-шаман обычно следующим образом. Когда в аале было не все благополучно, часто болели люди, его жители решали найти себе священное дерево и пригласить шамана освятить его, чтобы оно помогло⁶⁶, чтобы дети и другие члены семьи не болели, не было падежа скота.

Перед деревом ставили небольшой сосуд с молочной водкой и сделанную из муки колду – лампадку, в середине которой помещали кусок ткани, пропитанный топленным маслом. Саң расставляли с 4-х сторон дерева на камнях, установленных на деревянных невысоких палочках. Камлая, шаман останавливался и бил в бубен около четырех жертвенников. Люди двигались вслед за шаманом, повторяя все его движения, но обходили священное дерево один раз, останавливаясь перед жертвенный костром и молились, опустившись на колени, кланяясь до земли. Шаман говорил: «Пусть дети в этом аале будут здоровые, пусть люди хорошо здесь живут, хозяин этого дерева, выбранный людьми, – хороший человек».

По сообщению Идамчапа Хомушку, обряд освящения дерева-шамана или шаман-дерева (здесь есть отличие, некоторые информанты утверждали, что это дерево какого-то конкретного шамана) проводили летом, в июне, по другому сообщению – весной. К дереву привязывали чалама голубого цвета. Приводили для совершения обряда освященное животное, обычно коня, но можно было овцу или козу, обязательно серого цвета, привязывали его за передние копыта к священному дереву на время совершения обряда. У тувинцев существовало много запретов, связанных с этим деревом, им нельзя было пользоваться как коновязью в необрядовое время, нельзя было прятаться под ним от дождя, садиться к нему спиной, прикасаться к нему. Считалось, что это дерево помогало избавиться от недуга. Шаман камлал также с целью вылечить больного, которого приводили к дереву, при этом слегка бил больного, выбивая духа болезни, поселившегося в него.

Перед хам-ыяш расставляли еду, однако сами люди после совершения обряда ели праздничную пищу поодаль, где разводили большой костер, чтобы не обидеть духа – хозяина дерева. После обряда спортивные состязания не проводили, так как это было

обычно таежное место и в обряде участвовало небольшое количество людей, ограничивались небольшим пиршеством – той.

12. Тел-ыяш дагыры – освящение дерева-близнеца

В дословном переводе на русский язык тел – близнец, т. е. дерево-близнец. На самом деле, это два дерева разной породы, выросшие из одного места, сросшиеся корнями. Обычно это были лиственница и тополь или лиственница и ель. В места, где росли священные деревья, тувинцы старались без надобности не ходить, тем более нельзя было рубить деревья.

Наиболее популярным было следующее обращение к духу-хозяину тел-ыяш.

В крупных населенных пунктах Тувы к началу XX века порядок совершения обрядов коллективных молений – тагылга (дагыры) – несколько видоизменился, лидерство перешло от старейшины рода к ламе, однако осталась основа: общение с духами ради благополучия их участников.

Для древних культов тувинцев было характерно действенное начало. Четкое, регламентированное использование ритуальных жестов и движений – спокойные, размеренные поклоны, обходы жертвенного пространства, жесты моления, наделенные глубоким сакральным смыслом. Представление о прямой зависимости благополучия членов рода от расположения к ним духов обязывало всех присутствовавших на обряде не проявлять внешне своих чувств, вести себя сдержанно. Каждый из участников был одновременно действующим и воспринимающим субъектом.

Уже на раннем этапе проведения культовых молений выделялся из общей среды главный исполнитель – и ведущий, и организатор действия – старейшина рода. Он должен был обладать поэтическим даром, актерскими способностями, так как по бытовавшим в древности представлениям считалось, что расположение духов зависит от того, насколько им понравится исполнение благопожелания представителем рода. Функции остальных участников действия заключались в сопереживании действиям лидера обряда.

Называя реальные местности, совершая при этом ритуальное действие – чажыг-окропление, кормление природы, ведущий обряда воссоздавал Вселенную и одновременно передавал свои знания молодым людям.

При кажущемся однообразии порядка проведения обрядов, у них все же были отличия: обращались люди к разным духам с конкретным благопожеланием и каждого надо было умилостивить по раз и навсегда заведенному порядку.

Лекция 5. Трансформация тувинского этикета в XX веке

Этикет является внешней формой выражения нравственных устоев общества. Традиционный этикет являлся своеобразным стабилизатором поведения людей, различавшихся между собой по гендерному и возрастному признакам, а также по социальному положению. Нормы нравственной культуры внедрялись в умы людей посредством воспитания, убеждения, принуждения, поддерживались силой общественного мнения, закреплялись в сознании каждого члена этого общества, и не знать о ее принципах человек, живущий в данной культуре, просто не мог.

Нравственные нормы были заложены в человеческую психику природой, выработаны в ходе биологической эволюции, закрепились в генах человека традиционного общества и передавались от поколения к поколению во время совершения ритуалов и в обыденной жизни. Общество также устанавливало различные запреты – табу, которые не подлежали обсуждению и рациональному объяснению.

У тувинцев в течение многих веков формировались правила и нормы этикета, однако в настоящее время, в связи с кардинальным изменением образа жизни большинства населения республики, традиционный этикет стал фактически реликтом. Многие правила забыты, некоторые существенно изменились. К примеру, мало кто сейчас произносит благопожелание при встрече, а многие не знают, что нынешняя форма приветствия – рукопожатие и слово «Экий», вошли в обиход лишь после 1921 года.

Очень смутные представления у современных молодых людей и о порядке размещения людей в юрте, тем более, о допустимых и табуизированных позах сидения в ней.

Практически ушел из обихода традиционный порядок долгого, неспешного разговора собеседников о жизни. В наше время его несколько упростили, короче стал традиционный диалог о делах и работе, не функционируют некоторые жесты, но традици-

онные взаимные приветствия в более кратких формах еще остаются в быту у людей пожилого возраста.

Символика белого цвета, как цвета благополучия, чистоты помыслов человека, счастья, теряет свое значение. В настоящее время традиция угощения белым свежесваренным чаем также крайне редко соблюдается, особенно у городских жителей.

Многие молодые люди не могут объяснить, почему прежде юрту старались покрыть войлоком белого цвета. Различного рода украшения из серебра, чрезвычайно ценимого тувинскими женщинами, наделялись сакральным значением из-за белого цвета металла.

Многие современные молодые тувинцы не знают, что прежде только после сытной пищи предлагали гостю попробовать араку – молочный хмельной напиток, чашечку с аракой протягивали либо двумя руками, либо держа в правой, а левой рукой поддерживая правую выше кисти. Сегодня этот жест сохраняется, но изменилось его функциональное значение – его используют в особых, наиболее торжественных случаях, чтобы выразить уважение гостю. Так чисто практическая функция жеста трансформировалась в традиционный жест этикета, поскольку нет необходимости поддерживать манжету, поскольку сверхдлинные рукава, закрывающие кисти рук, у современных халатов отсутствуют.

Говорили негромко, не принято было сильно размахивать руками, так как людей в юрте зачастую собиралось много, и в ней было тесно. Далеко не все молодые люди смогут объяснить основополагающий для традиционного тувинца жест «чажыг»: не только, для чего он совершается, но и какой палец используется при его совершении.

К этикету, кроме словесных высказываний, формул приветствий, жестов, имеющих большой смысл, употребляемых поз, относится и мимика. Смотреть неотрывно в глаза собеседнику не полагалось, поскольку это считалось очень неприличным, вызывающим, особенно для молодой незамужней девушки. Правила предписывали крайнюю сдержанность в общении.

Старые люди пользовались огромным уважением у тувинцев, граничащим с приравнением их к святым, при них полагалось больше молчать и слушать. Идя в гости к пожилому человеку, нужно принести табак, чай или любой другой подарок, а в

дом, где есть маленькие дети обязательно – сладкие гостинцы или игрушки, в знак любви к детям и уважения к старшим. В данном случае, это не просто подарок, а норма традиционного этикета.

Тувинцы очень любили детей и никогда их не наказывали. В настоящее время на улицах Кызыла, да и в районах часто можно увидеть, как молодые мамы публично «воспитывают» своих малышек не только криком, но и шлепками. Соответственно и дети громко кричат, совсем не обращая внимания на прохожих. Получается, что таким способом женщина приучает ребенка игнорировать общество и действовать исключительно в своих сиюминутных интересах.

Основы традиционной этики познавались новыми поколениями не через сухие правила и требования, типа «уважай старших», а через поведение людей не только при проведении обрядов и праздников, а ежедневно. Сейчас эти цепочка прерывается, и это вина не только молодых тувинцев, но и их родителей и пожилых родственников, многие из которых, начиная с советского периода, воспитывались в интернатах. Для молодых людей традиционный этикет – как закрытая книга. Эти знания, которые предки тувинцев донесли до настоящего времени надо воспринимать не только как историю, давно ушедшую эпоху, многое можно использовать и сегодня в качестве экологических и аксиологических (ценностных), этических, мировоззренческих знаний.

Не стоит на священные места ходить очень часто, тем более водить туда туристов и своих гостей. В странах, где свято чтут древние традиции, в частности, в соседней Монголии, чужого человека никогда не приведут на сакральное место, иначе это место перестанет быть священным. Для этого есть специальные места – для туристов, где все воспроизведено точно также со специальными лавочками для зрителей, так как там можно демонстрировать весь обряд как театрализованное зрелище, но оно не будет сакральным. Решение о наличии двух параллельных мест для обрядов должно быть принято на сходе граждан селения. Особое значение приобретает в решении этого вопроса понятие «историко-культурная территория», она «может быть определена как особое целостное пространственное образование, где в традиционной природной и социально-культурной среде сохраняются объекты исключительной ценности и значимости»⁶⁷.

Многому мы можем поучиться у других восточных народов, в частности, у японцев. Живя в одной из самых технологичных стран мира, имея постоянные деловые и рабочие контакты с представителями других культур, они не отказались от своих норм поведения в обществе. Не столько японцы принимают правила этикета иных народов, в частности, европейских, сколько люди других культур стараются приобщиться к японской. Примером этому может служить событие на чемпионате мира по футболу 2018 года, когда все новостные передачи сообщили об обычно спокойных японских болельщиках, которые после матча своей сборной принялись убирать мусор на стадионе. «Сделай чище, чем было до тебя», – говорится в известной поговорке. «Для нас уборка – это долг», сказал один японский болельщик, «Мы всегда так делаем в Японии. Чему вы удивляетесь?» – не понимал восторга корреспондентов другой. Даже горечь поражения от Бельгии не помешала японцам остаться верными своим принципам. Уборка в Стране восходящего солнца – целая культура под названием содзи, как не захламлять пространство и разум, это учение входит в школьную программу. После японцев мусор стали убирать болельщики из Сенегала, Панамы, Саудовской Аравии, Бразилии, Швеции, Аргентины. Так японские традиции украсили чемпионат мира в России!

Правило «золотой середины», принятой японцами в древности, благотворно работает и в настоящее время. Японское общество – это самодостаточное, урбанизированное сообщество, свято чтущее и воспроизводящее свои традиции.

Важнейшим фактором является приобщение молодых людей к морально-этическим нормам буддизма. Верующий человек не сможет ударить человека, мыть машину на Енисее, оставить мусор на озере или пылающий костер в тайге. К сожалению, семья как институт воспитания для многих подростков не выполняет своей функции, и это крайне тревожный факт.

К сожалению, современные тувинские юноши и девушки не знают простую истину, о которой часто говорит Его святейшество Далай-лама XIV, обращаясь к тибетцам с просьбой всегда помнить о том, что по поведению одного их представителя будут судить в мире обо всем народе.

Таким образом, в настоящее время требуются новые подходы в воспитании: объяснение традиционных норм поведения, придающих особый колорит, определяющих своеобразные черты тувинского народа через новые формы, понятные современной молодежи – театра, анимации или путем создания серии комиксов. При этом надо избегать пустого морализаторства, дающего обратный эффект, а стараться прививать уважение к своему народу, к его вековым традициям. В настоящее время этикет оторван от этических норм и религии, он превратился в набор приемов и правил.

Лекция 6. Опыт тюрко-монгольских народов по сохранению норм традиционного этикета

1. Алтай

Большей сохранностью знаний о лунном календаре отличаются алтайцы. Очевидно, часть знаний утеряна тувинцами на протяжении XX века, поэтому приводим материал алтайских исследователей. «Счет дней вели по фазам луны. Выделяют два основных периода лунного месяца – новой (айдын јанызы) и старой (айдын эскизи) луны. Первый начинается днем рождения луны и продолжается до полнолуния (айдын толууны). Алтайцы различают «Белое полнолуние» (айдын ак толууны) – это первый день полной луны, «желтое полнолуние» (айдын сары толууны) – второй день, «красное полнолуние» (айдын кызыл толууны) – третий день, после которого луна начинает «стареть», убывать. Второй, т.е. период «старой луны» (айдын эскизи), длится до того, как станет невидимым диск луны. Это происходит при наступлении «третьей старой луны», за которой следуют невидимые вторая и первая «старая луна», после чего луна «переворачиваются».

Затем счет идет так: «первая новая луна» «вторая новая луна» и, наконец, третья – видимая – «новая луна». Дни (ночи) без луны называются днями «середины луны» (айдын аразы). Таким образом, один месяц состоит из 15 дней «новой луны», причем день «белого полнолуния» считается пятнадцатым, а день «желтого полнолуния» – вновь 14-й день, только уж «старой луны». Счет ведется до дня «первой старой луны». Полагают, что луну в

дни двух первых и двух последних фаз могут видеть лишь собака и корова.

Дни новой луны от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для проведения различных благостных мероприятий (т.е. когда можно, как говорят алтайцы, «испрашивать благодать» – быйан сураар) и важных начинаний. В эти дни рекомендуется отправляться в дальний путь, посещать целебные источники, обращаться к лекарям, проводить свадьбы и праздники, важной составной частью которых являются религиозные церемонии⁶⁸.

Ни один праздник на Алтае не начинается в полнолуние, не только свадьбы, но и официальные торжества на государственном уровне.

2. Хакассия

У хакасов, – пишет Бутанаев, – сложился особый цикл хозяйствования, ход которого определялся по лунному календарю. Начало этого цикла связано с наступлением весны, что и стало отмечаться как праздник Нового года. Название праздника «Чыл пазы» буквально означает «начало года» ... Празднование Чыл пазы начинали с прилета первых птиц, первого кукования кукушки и растягивали до первых раскатов грома... Люди обращались друг к другу со словами: «Чыл пазы чылды, чылан кибі сойылды! («Пришел Новый год, снялась змеиная шкура»)⁶⁹. Год начинался с периода весеннего равноденствия.

У тувинцев тюркское название Нового года под влиянием монголов, с которыми Тува сосуществовала на протяжении семи столетий, было заменено на Шагаа от Цагаан-Сар.

3. Бурятия

У бурят, по мнению К.Д. Басаевой, «основной смысл обрядов собственно свадьбы – это приобщение невесты к роду жениха: умилостивление родовых духов и божеств, чтобы они приняли невесту под свое покровительство; обещание невесты чтить и поклоняться божествам рода жениха, подчиняться роду жениха в лице его старших родственников, обязательства соблюдать все семейные и религиозные предписания в юрте свекра и т.д.⁷⁰ «Множество норм и обычаев регулировали поведение невестки в доме мужа. В частности, в присутствии мужчин, особенно свекра и других старших родственников мужа, она всегда должна была

находиться в полном строго регламентированном костюме замужней женщины. Летом (или в доме) этот наряд состоял из халата или платья специального покроя, а зимой – из шубы, поверх которых одевался обязательный атрибут костюма замужней женщины – безрукавка»⁷¹. «Кроме строгой регламентации костюма, для невестки существовала целая система обычаев избегания, которых она должна была придерживаться по отношению ко всем старшим родственникам муже, в особенности к свекру. При нем она не смела садиться до тех пор, пока он не сядет; не могла сидеть со свекром на одной кровати, скамейке или телеге... Она не должна была произносить имена свекра, его отца, родственников мужа по восходящей линии – на это существовал строгий запрет»⁷².

«Характерной особенностью бурятской семьи было то, что старики-родители жили с одним из сыновей, обычно с младшим. У бурят считалось недопустимым, чтобы родители-старики, имея детей, жили одни, отдельно от них. Дети были обязаны обеспечить им спокойную старость, а затем похоронить их достойным образом по всем правилам традиций. Только в том случае, когда сыновей не было, родители оставались с младшей дочерью, которая становилась наследницей отцовского хозяйства и брала мужа в свой дом. При наличии сыновей переходить на жительство в дом дочери было не принято. Это означало позорить имя, оскорбить свой род»⁷³.

«Воля, желание отца для всех членов семьи были законом... Младшие неукоснительно подчинялись старшим. Все эти традиции строго соблюдались в бурятском быту»⁷⁴.

В современной Бурятии по предложению лам покойников хоронят по буддийским канонам, в число которых входит: запрет на участие женщин в захоронении на кладбище, отказ от спиртных напитков во время поминальной трапезы.

4. Монголия

«Если раньше здороваться без головного убора считалось оскорблением, то теперь, когда традиционную одежду, включая и головной убор, носят главным образом жители сельской местности, а в городах, особенно таких крупных, как Улан-Батор, Эрдэнэт, Дархан, подавляющее большинство людей одеваются по-европейски и здороваться многим приходится с непокрытой

головой, это воспринимается как норма, по крайней мере молодыми людьми.

Во многих случаях приветствие сопровождается обменом подарками, причем строго выдерживалось и выдерживается поныне правило отдаривать дарящего.... Подарок либо заворачивается в ритуальный шарф – *хадак*, либо кладется на него. *Хадак* складывают так, чтобы его края были открыты в сторону получающего дар; сложить иначе значит продемонстрировать свои враждебные намерения. Когда сейчас вручают подарки в торжественной обстановке (на свадьбе, на официальных приемах и т.д.) эти правила строго соблюдаются⁷⁵.

После 90-х гг., как пишет Ю.И. Дробышев в Монголии «природа, потеряв своих сверхъестественных патронов и превратившись в склад различных ресурсов, становится беззащитной перед человеком⁷⁶.

Современные тувинцы Цэнгела «несмотря на отсутствие традиционного очага, продолжают «кормить» огонь. Прежде, чем подавать блюда на угощение, хозяйка небольшой кусок клала на печку (это в тех квартирах, где нет огня) или же бросала в огонь⁷⁷.

Опыт близких по культуре и миропониманию тюрко-монгольских народов позволяет восстановить утраченные элементы тувинского традиционного этикета.

Заключение

Традиционный этикет добавлял особый колорит и своеобразие каждому народу, выделял особенные черты его этических норм, прививал важные качества, которые и в настоящее время являются необходимыми требованиями: вежливость, корректность, тактичность, деликатность, скромность, естественность поведения, точность, обязательность, доброжелательность, приветливость. На Востоке говорят: «Приветливость — это золотой ключ, который открывает железные замки людских сердец».

Таким образом, знание и выполнение оптимальных моделей поведения в конкретных ситуациях, то есть выполнение этикета, является неотъемлемой частью культуры морального общения, в целом моральной культуры современной личности. Моральное содержание этикета было обусловлено соответствием и соотношением внешних норм этикета и содержания морального сознания общества и личности. Имеется в виду то, что внешние правила поведения и общения базируются, прежде всего, на моральных принципах. Самым главным из них есть «золотое правило» нравственности — обращаться с другими так, как ты желал бы, чтоб они обращались с тобой. Важными принципами этикета является также приоритет старшего, приоритет женщины.

Правила этикета, выработанные веками, выполняли воспитательную и коммуникативную функции, они составляли черты своеобразия народа, его отличительные особенности от других народов. Сейчас они уходят, и это становится проблемой не только для этикета, но и для всей культуры. Это в конечном счете приводит к кризису духовности и даже больше – кризису современного, в данном случае, тувинского общества.

Со временем традиционный этикет все больше упрощается, теряет целые пласты поведенческих стандартов, вбирает в себя элементы этикета современного, европеизированного, но не всегда осмысленного и применяемого в жизни. Мы не зря так детально рассматривали на протяжении всех предыдущих лекций правила традиционного этикета тувинцев, поскольку они имели глубокий смысл приобщения молодого поколения к опыту предыдущих поколений. Эти правила сами стали духовной ценностью, утрачиваемой в настоящее время.

В современной России о молодых тувинцах, увы, сложилось не самое приятное мнение, как о «горячих», вспыльчивых, агрессивных, невоспитанных людях. Это мнение надо менять, как и в целом их поведение.

В настоящее время, в процессе модернизации тувинского общества, который начался с 1921 года, периода ТНР, по мнению ученого-философа В.Р. Фельдмана «в процессе социализации личности тот набор социальных качеств, который был характерен для традиционного общества, более или менее быстро исключается из образовательно-воспитательного процесса, и его место занимают социальные качества, необходимые в современном обществе индустриальной цивилизации»⁷⁸. Однако это не единственный путь дальнейшего развития современного тувинского общества. Вспомним хотя опыт развитых стран Дальнего Востока, в частности, Японии, Южной Кореи, а в настоящее время и Китая. Так, правящий класс в Китае всегда был социально ориентированным, это связано с идеологией конфуцианства. Главная тема китайских трактатов в глубокой древности: каким образом чиновник должен служить народу. Китайских правителей на протяжении всего существования страны отличала высокая ответственность за жизнь народа, умение подчинять свои интересы интересам национального развития.

В этих странах на протяжении всего XX века и в начале XXI века власть на государственном уровне понимала значение опыта прошлого и не отказывалась от традиций своего народа, а постоянно обращалась и обращается к нему, как источнику духовного развития.

Россия развивается по другому вектору, европеизированному и это приводит как раз к кризису идентичности, духовности, к повышению уровня социальной напряженности. Решение этих проблем не стоит ждать из центра огромного государства, эти проблемы надо решать в регионах и начинать с малого, попытаться постичь этические нормы своего народа и восстановить базовые правила общения друг с другом и с Природой.

Важную роль в этом процессе должна выполнить интеллигенция, ответственная за преодоление обывательского синдрома, инертности, апатии, безразличия к судьбе страны и народа. Мы разделяем мнение Ю.Г. Волкова, утверждающего, что «гумани-

стическая идеология, как идеология субъективности креативного класса не содержит рецептов быстрого разрешения общественных проблем, но способна наладить общественный диалог, вывести национально-государственное и общественное развитие на путь конструктивных изменений, создающих условия для творчества масс, для креативной идентичности как инструмента преобразования общественных отношений, для иммунитета против политического радикализма, связанного с негативными поворотами в российской истории⁷⁹.

Комментарий

- ¹ Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание – Л.: изд-во ЛГУ, 1991. – С.143.
- ² Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. Наука, 1993. – С.4.
- ³ Фельдман В.Р. Традиционное общество народов Центральной Азии: пространственно-временные характеристики, механизмы организации и самоорганизации. – Кызыл, 2009. – С.115.
- ⁴ Кондрашов В.А. Понятие этической культуры: методологический аспект. – <http://samlib.ru/>
- ⁵ Швейцер А. Культура и этика. – М., 1973. – С.33.
- ⁶ Мифы, легенды, предания тувинцев – Новосибирск, 2010. – С.279.
- ⁷ Кенин-Лопсан М.Б. Кара дээрнин тыныжы. Дыхание черного неба. – Кызыл, 2010. – С. 222.
- ⁸ Там же. – . 212-213.
- ⁹ Дробышев Ю.И. Экологические аспекты традиционной культуры монгольских народов //Человек и Природа в духовной культуре Востока. – М., 2004. – С.491
- ¹⁰ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988 – С. 33.
- ¹¹ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006. – С. 12.
- ¹² Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев – Л., 1969. – С. 161.
- ¹³ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988 – С. 65.
- ¹⁴ Там же– С. 69.
- ¹⁵ Там же – С. 69.
- ¹⁶ Там же – С. 137.
- ¹⁷ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006. – С. 6.
- ¹⁸ Турчанинов А.А. Урянхайский край в 1915 году. *Подготовка рукописи к печати, предисловие, послесловие и комментарий А. Кузугет.* – Кызыл, 2009. – С.102-103.
- ¹⁹ Менде, амыр. Совр.: менди. Формы приветствия в монгольском языке, активно использовавшиеся тувинцами до 1921 года.
- ²⁰ Турчанинов А.А. Указ. Соч. – С.104.
- ²¹ Научный архив ТИГПИ. Д. 1087. Л.1.
- ²² Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006. – С. 61.
- ²³ Потапов Л.П. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика //Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1959-1960. – М.-Л., 1966. – С. 26.
- ²⁴ См. Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. С. 159-160, поэмы 1-4.
- ²⁵ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. М., «Современник», 1974, с.51.
- ²⁶ Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. – М., 1991. С.81.
- ²⁷ Научный архив ТИГПИ, д. 251, с. 366-367.
- ²⁸ Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976. Цитируется по кн.: Бромлей Ю.В., Подпольный Р.Г. Создано человечеством. М., 1984. – С. 189.

- ²⁹ Монгуш М.В. Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: дис...д-ра истор. Наук. – М., 2005. – 260.
- ³⁰ Юша Ж.М. Традиционная народная обрядовая поэзия тувинцев: дис...канд. филол. Наук. – Новосибирск, 2005. – С. 65.
- ³¹ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006. – С. 161.
- ³² Басаева К.Д. Семья и семейный быт //Буряты. – М., 2004. – С. 187.
- ³³ Отчет агронома А.А. Турчанинова за 1915 год. // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX - начала XX века) – Кызыл, 2003. – С. 180-181.
- ³⁴ Курбатский Г.Н. Тувинские праздники. – Кызыл, 1973. – С. 31-32
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Отчет агронома А.А. Турчанинова за 1915 год. // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX - начала XX века) – Кызыл, 2003. – С. 181.
- ³⁷ Сказки и предания алтайских тувинцев. – М., 1994. С.14.
- ³⁸ Отчет агронома А.А. Турчанинова за 1915 год. // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX - начала XX века) – Кызыл, 2003. – С. 180-181.
- ³⁹ Донгак С.Ч. Тыва куда ъзулалдары. Традиции тувинской свадьбы. – Кызыл, 2012 – С.49.
- ⁴⁰ Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969. – С.246.
- ⁴¹ Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011. – С.144.
- ⁴² Там же. – С. 30-31.
- ⁴³ Научный архив ТИГПИ, Д. 589. Л.3.
- ⁴⁴ Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011. – С.31.
- ⁴⁵ Научный архив ТИГПИ, Д. 1116. Л.14.
- ⁴⁶ Турчанинов А.А. Урянхайский край.. С.106
- ⁴⁷ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006. – С. 6.
- ⁴⁸ Там же. – С.46-47.
- ⁴⁹ Там же. – С. 48.
- ⁵⁰ Турчанинов А.А. Урянхайский край. С.108-110.
- ⁵¹ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006. – С.173-174.
- ⁵² Там же. – С.12-14.
- ⁵³ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб, 1883. Вып. 4. – С. 125.
- ⁵⁴ Дробышев Ю.И. Нормативная этика в современной Монголии // Этикет народов Востока. Нормативная традиция, ритуал, обычаи. – М., 2011. – С. 161-162.
- ⁵⁵ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006. – С. 64.
- ⁵⁶ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988 – С. 25.
- ⁵⁷ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал.— Новосибирск, 1990. – С. 4.
- ⁵⁸ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл, 2006– С. 72

- ⁵⁹ Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, 1990. – С. 101-102.
- ⁶⁰ Каррутерс Д. Неведомая Монголия – Петербург, 1914. – С.262.
- ⁶¹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск, 1989 – С. 36.
- ⁶² Кон Ф.Я. За пятьдесят лет – М, 1936. – С. 80.
- ⁶³ Хэ Сянлян. Первые шаги в изучении религиозных верований алтайских урянхайцев // Изучение национальностей. – Пекин, 1986. – № 1: Научный архив ТИГПИ Д. 52. – Л. 11.
- ⁶⁴ Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) – С. 93., ФФ ТИГИ. – Т. 302. Д. 2161. Л. 10
- ⁶⁵ Там же. – С. 145.
- ⁶⁶ Научный архив ТИГПИ. – Д. 1087. Л. 11.
- ⁶⁷ Шульгин П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития. – Журнал Мир России, 2004. № 2 – С.118.
- ⁶⁸ Тюхтенева С.П., Халемба А., Шерстова Л.И., Добжанская О.Е. Алтайцы. Духовная культура //Тюркские народы Сибири – Москва, 2006. – С.453.
- ⁶⁹ Бутанаев В.Я., Харитонов В.И. Хакасы. Духовная культура. //Тюркские народы Сибири – М, 2006. – С. 613.
- ⁷⁰ Басаева К.Д. Семья и семейный быт //Буряты. – М., 2004. – С. 199.
- ⁷¹ Басаева К.Д. Семья и семейный быт //Буряты. – М., 2004. – С. 184.
- ⁷² Басаева К.Д. Семья и семейный быт //Буряты. – М., 2004. – С. 185.
- ⁷³ Басаева К.Д. Семья и семейный быт //Буряты. – М., 2004. – С. 181-182.
- ⁷⁴ Басаева К.Д. Семья и семейный быт //Буряты. – М., 2004. – С. 182.
- ⁷⁵ Дробышев Ю.И. Нормативная этика в современной Монголии // Этикет народов Востока. Нормативная традиция, ритуал, обычаи. – М., 2011. – С. 159-160.
- ⁷⁶ Дробышев Ю.И. Некоторые черты десакрализации природы в современной монгольской культуре // Российское монголоведение. Бюллетень V. 2001. С. 282.
- ⁷⁷ Дыртык-оол А.О. Материальная культура цэнгельских тувинцев Монголии: традиция и трансформация//Традиционная культура народов приграничных районов Монголии и Тувы. Полевые материалы за 2009-2010 годы. – Кызыл, 2011 – С. 22.
- ⁷⁸ Фельдман В.Р. Традиционное общество народов Центральной Азии: пространственно-временные характеристики, механизмы организации и самоорганизации. – Кызыл, 2009. – С.159.
- ⁷⁹ Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. – М.,2016. – С. 200.

Задания по самостоятельной работе

Тема 1. Этические основы тувинского этикета

Задания:

1. Подготовить доклады по темам:
    - А. Этические нормы как важная составляющая мировоззрения народа
    - В. Взаимосвязь этики и этикета
    - С. Взаимоотношения людей с духами-хозяева местности.
  2. Составить глоссарий по разделу (20 терминов).
  3. Написать рецензию на научную работу (на выбор из списка литературы)
- Форма ответа - устная.

Тема 2. Традиционные жесты и формы общения в юрте

Задания:

1. Подготовить доклады по темам:
    - А. Священные и табуизированные атрибуты жилища и правила обращения с ними
    - В. Гостеприимство
    - С. Порядок рассаживания людей
- Подготовить презентацию с фотографиями и схемами

Тема 3. Этикет семейных отношений

Задания:

1. Подготовить доклады по темам:
    - А. Освящение домашнего очага
    - В. Обрезание волос в трехлетнем возрасте
    - С. Помолвка и свадьба
    - Д. Похороны
- Подготовить презентацию с фотографиями и выписками из текстов путешественников

Тема 4. Нормы поведения при проведении коллективных молений духам, хозяевам местности

Задания:

- Подготовить доклады по проведению 11 обрядов и праздников с общим названием «Тагылга».
- Подготовить презентацию с фотографиями и схемами

Тема 5. Трансформация тувинского этикета в XX веке

Задание:

Написать эссе о своем опыте по обучению этикету

Тема 6. Опыт тюрко-монгольских народов по сохранению норм традиционного этикета:

Задание:

Подготовить доклады по этикету соседних родственных народов:

1. Алтай
2. Хакасия
3. Бурятия
4. Монголия

Список использованной литературы

Основная литература:

1. Абаев Н.В., Фельдман В.Р. Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. Учебное пособие. – Кызыл: «Изд-во Тыв.ГУ», 2007. – 115 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: «Наука», 1993. – 213 с.
3. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. – Л.: «Наука», 1990. – 166 с.
4. Донгак С.Ч. Тыва куда ёзулалдары. Традиции тувинской свадьбы. – Кызыл: «Издательство ТывГУ», 2012. – 72 с.
5. Дробышев Ю.И. Нормативная этика в современной Монголии // Этикет народов Востока. Нормативная традиция, ритуал, обычай. – М. «Наука», 2011. – С. 155-167.
6. Дробышев Ю.И. Экологические аспекты традиционной культуры монгольских народов//Человек и Природа в духовной культуре Востока. – М.: «Наука», 2004. – С. 465-498.
7. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011. – 383 с.
8. Кенин-Лопсан М.Б. Кара дээрнин тыныжы. Дыхание черного неба. – Кызыл: «Тувинское книжное издательство им. Ю.Ш. Кюнзегеша», 2010. – 392 с.
9. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев – Кызыл: «Тувинское книжное издательство», 2006. – 232 с.
10. Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. – Красноярск: «Офсет», 2016. – 320 с.
11. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев – Л.: «Наука», 1969. – 401 с.
12. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл: «Тувинское книжное издательство», 2003. – 224 с.
13. Турчанинов А.А. Урянхайский край в 1915 году. *Подготовка рукописи к печати, предисловие, послесловие и комментарий А. Кужугет.* – Кызыл, 2009.

14. Хэ Сянлян. Первые шаги в изучении религиозных верований алтайских урянхайцев // Изучение национальностей. – Пекин, 1986. – № 1: Научный архив ТИГПИ. – Д. 52.

15. Фельдман В.Р. Традиционное общество народов Центральной Азии: пространственно-временные характеристики, механизмы организации и самоорганизации. – Кызыл: «Издательство ТывГУ», 2009. – 191 с.

16. Этикет народов Востока: нормативная традиция, ритуал, обычаи. // М.: «Восточная литература». 2011. – 480 с.

Дополнительная литература:

1. Кондрашов В.А., Чичина Е.А. Этика: История и теория. Р н/Д: «Феникс», 2004. – 544 с.

2. Очерк истории этики. – М.: «Наука», 1969. – 432 с.

3. Шварцман К.А., Теоретические проблемы этики, М.: «Прогресс», 1969. – 324 с.

4. Некрасов А.И. Этика: Учебное пособие. – Х.: ООО «Одиссей», 2003. – 400 с.

5. Скрипник А.П. Этика. Учебник. – М.: «Проект», 2004. – 352 с.

6. Столяренко Л.Д. Психология и этика деловых отношений. Р.н/Д.: «Феникс», 2003. - 512с.

7. Дамчай О.М., Уйнук-оол Е.С. Культура традиционной тувинской семьи Учебно-методическое пособие. – Кызыл, 2014 – 120 с.

Электронные ресурсы:

1. nb.tuvsu.ru – Научная библиотека ТувГУ

2. <http://elibrary.ru> – Научная электронная библиотека

3. <http://e.lanbook.com> – Электронно-библиотечная система издательства «Лань».

4. Федеральный портал «Российское образование» <http://www.edu.ru/>

Учебное издание

Кужугет Айлана Калиновна

**ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТИКЕТ ТУВИНЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

(по трудам путешественников и ученых конца XIX - XX века)

Учебное пособие

Редактор *А.Р. Норбу*
Дизайн обложки *К.К. Сарыглар*

Сдано в набор: 29.11.2018. Подписано в печать: 14.01.2019
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Физ. печ. л. 4,4. Усл. печ. л. 4,1. Заказ № 1480. Тираж 50 экз.

667000, г. Кызыл, Ленина, 36
Тувинский государственный университет
Издательство ТувГУ